

Сергей КИРИЕНКО

---

# ГУЛЫ

Книга первая:  
ЧЁРНЫЙ РАССВЕТ



Редакция 2017 г.

18+

Сергей Кириенко

**Гулы. Книга первая:  
Чёрный рассвет**

«Автор»

2017

**Кириенко С. И.**

Гулы. Книга первая: Чёрный рассвет / С. И. Кириенко —  
«Автор», 2017

ISBN 978-5-532-11514-9

Новая редакция одного из лучших отечественных мистических триллеров начала 21 века... Что-то необъяснимо-пугающее происходит в маленьком итальянском городке Террено, где неизвестный убийца душил на улицах бездомных бродяг, один из местных бандитов сталкивается на окраине города со своим другом, погибшим пару лет назад у него на глазах, смотритель городского кладбища слышит по ночам в своей голове таинственный голос, призывающий его взять лопату и раскопать могилы на кладбище, а на стенах церкви появляются зловещие надписи, смысл которых никто не может понять и не знает еще, что всё это – первые признаки надвигающегося Апокалипсиса!

ISBN 978-5-532-11514-9

© Кириенко С. И., 2017

© Автор, 2017

## Содержание

От автора	5
Пролог	7
Часть первая: ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЛА	16
Глава первая	16
Глава вторая	33
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

## От автора

*История написания и издания романа «Гулы» довольно любопытна.*

*Основная фабула книги была придумана мной в возрасте двадцати лет, когда я зачитывался романами ужасов Кинга, Мак-Каммона, Лавкрафта... За последующие три года все сюжетные линии истории были тщательно продуманы и обросли всеми необходимыми деталями, все основные персонажи истории также стали мне абсолютно ясны, поэтому осенью 1997 года (сразу же после окончания срочной службы в армии) я сел за написание романа.*

*Через полтора года после начала работы над книгой, когда было написано чуть более ее половины, я распечатал на бумаге первый том романа (так как электронной почтой тогда еще никто широко не пользовался) и разослал его в три крупнейшие на тот момент времени издательства страны. Уже через три недели после этого мне позвонили из одного из них и сообщили, что готовы заключить со мной договор на издание романа – даже несмотря на то, что он еще не окончен.*

*Летом 1999 года договор на издание «Гулов» был подписан, еще полгода после этого я дописывал книгу, наконец, в январе 2000-ого роман был закончен и уже весной того же года – издан в виде двухтомника в твердой обложке.*

*За полтора десятилетия после этого роман прочитало (на бумаге и в электронном виде) больше ста тысяч отечественных любителей жанра мистики. Многие из них очень лестно отзывались о книге, ставя ее в один ряд с лучшими мистическими триллерами зарубежных авторов. Что же касается меня самого, то для меня она стала своего рода «трамплином» – именно «Гулы» позволили мне познакомиться с несколькими московскими кинопродюсерами, что в результате привело к тому, что через несколько лет после издания романа «Гулы» по моим сценариям были сняты мистические сериалы «Хиромант» и «Иное», далее я начал сотрудничать в качестве сценариста с крупнейшей отечественной кинокомпанией «Централ Партнершип», а также – довольно успешно пробовать себя в театральной драматургии.*

*И все-таки, несмотря на всё вышеописанное, все последние годы я считал, что с романом «Гулы» мне немного не повезло. Причина же этого, как это ни удивительно, состояла именно в том, что в свое время мне так быстро удалось заключить договор на его издание.*

*Дело в том, что последние полгода работы над книгой я писал ее в такой спешке, что не успел тщательно проработать текст – в результате, в нем осталось множество «детских болячек» (все-таки это был мой первый большой роман). С другой стороны, в издательстве также спешили сверстать книгу в установленные ими же сроки, поэтому редакторы просто не успели нормально вычитать многие куски романа – соответственно, изданная на бумаге в «полусыром виде», книга (а особенно ее вторая половина) просто изобиловала редакторскими ляпами.*

*Далее – через пару лет после опубликования «Гулов» на бумаге, когда в Интернете начали появляться первые электронные библиотеки, пиратская версия романа сразу же появилась и в них. Неизвестно, кто и когда сделал электронную версию «Гулов» (я далек от мысли о том, что кто-то набирал ее вручную; скорее, текст просто отсканировали с бумажной книги), но так как сканирующая аппаратура в начале 2000-х была еще далека от совершенства, то и результат получился просто ужасным. Смазанное форматирование по всему тексту романа, отсутствие выделения в важных местах, слияние многих эпизодов, отсутствие отдельных предложений и целых абзацев... – всё это многократно усилило недостатки бумажной книги и сделало ее электронную версию, на мой взгляд, попросту слабо пригодной для нормального чтения.*

*И всё же, даже в таком получитабельном виде, в котором роман в дальнейшем распротранился по всем пиратским библиотекам, его читали, и он пользовался успехом, о чем говорит, например, тот факт, что в большинстве Интернет-библиотек оценка романа читателями до сих пор стабильно превышает оценку книг, с которыми «Гулов» сравнивают чаще всего («Салемов удел» С. Кинга и «Они жаждут» Р. Мак-Каммона).*

*Тем не менее, мне всегда хотелось, чтобы любители мистических триллеров, читая «Гулов», получали удовольствие не только от сюжета книги, но и от ее стиля и языка. Поэтому, когда год назад у меня появилось немного свободного времени, я решил не просто тщательно отредактировать данный роман, а, по существу, глубоко переработать его, убрав из него лишние длинноты, все «детские болячки» и те «широковатости», которые чаще всего упоминались в отзывах читателей о романе в Интернете.*

*Теперь же я размещаю данную обновленную версию «Гулов» на ЛитРесе в виде трех томов – для того, чтобы в дальнейшем все желающие имели возможность не только прочитать электронную версию романа в том виде, в каком ему и следовало появиться еще восемнадцать лет назад, но и могли получить в свою коллекцию также бумажную версию книги в мягкой обложке (о чем меня давно уже просили в Интернете многие поклонники романа, так как изданный в 2000 году «твердый» двухтомник давно превратился в библиографическую редкость и достать его стало практически нигде невозможно), купив ее в одном из Интернет-магазинов, напрямую сотрудничающих с ЛитРесом и продающих бумажные книги по системе принт-он-деманд.*

*В заключение данного предисловия я бы хотел пожелать всем тем, кто еще не читал роман «Гулы», получить от его прочтения то же удовольствие, какое я сам получил двадцать лет назад при написании книги, а также сказать, что, разумеется, я буду внимательно следить за отзывами читателей об обновленной версии романа на ЛитРесе. И если я пойму, что книга по-прежнему интересна любителям мистических триллеров, то, вполне вероятно, вытащу «из стола» давно пылящийся там черновик и приступлю к работе над прямым продолжением романа «Гулы».*

*С уважением ко всем читателям книги!*

*Сергей Кириенко,  
октябрь 2018 г.*

## Пролог

*Не кровавых сказок не бывает. Всякая  
сказка исходит из глубин крови и страха.*

Фр. Кафка

*(Англия, графство Беркшир, 1541 г. от Р.Х.)*

В эту ночь у Даунширских холмов были собаки. Их вой был странным и ни на что не похожим – псы были, как волки, не умолкая.

Старик Тэмплботт сказал, что в собак вселились демоны леса. Трактирщик Уокер, рассмеявшись, ответил, что демоны леса вселяются разве что в старика Тэмплботта и его сыновей после пары кружек крепкого грога. Тэмплботт качнул головой и повторил: «В собак вселились демоны леса!..».

После полуночи поднялся сильный ветер. Старые сосны в Блэквудском лесу стонали и охали, вторя вою собак, и эти звуки были похожи на вопли грешников, брошенных в преисподнюю. Ставни окон на втором этаже начали громко хлопать, и Вирджил Уокер крикнул своей жене Маргарет, чтобы та закрыла эти проклятые ставни.

А через десять минут хлопнула входная дверь трактира, и в него вбежали сыновья Тэмплботта: Артур и Крис. Их лица были бледны, а одежда и обувь – перепачканы глиной. Все, находившиеся в трактире, вскочили с мест и наперебой принялись спрашивать у Тэмплботтов, что им удалось узнать. Но Артур и Крис лишь тряслись, так что Вирджил Уокер плеснул им по кружке грога. Когда Тэмплботты выпили грог, они смогли говорить. Но когда они начали свой рассказ, все почувствовали, как в их жилах леденеет кровь...

Три дня назад в Честертоне появились два старика. Никто не знал их имен; никто не знал, откуда они пришли. Они постучались к Уокеру на рассвете и сказали, что желают снять комнату на пару дней. Говорили они с сильным акцентом; одеты были в черные, потертые сюртуки, серые войлочные штаны и изношенные башмаки на деревянной подошве; на плече одного из них висел дорожный мешок. Оба были глубокими старцами, хотя один выглядел моложе другого... Поначалу у Вирджила появились сомнения: чем будут расплачиваться эти оборванцы? Но когда один из стариков вытащил из кармана золотой соверен, всякие сомнения исчезли, и Уокер распахнул перед путниками дверь своего трактира.

Старики прожили в Честертоне три дня. Каждое утро они спускались на первый этаж, съедали бекон, приготовленный женой Вирджила, брали свою котомку и уходили из трактира. Назад возвращались лишь поздно вечером, и неизменно их башмаки оказывались перепачканными желтой глиной. Выпив по стакану молока, старики кивали Вирджилу и его жене и поднимались наверх.

Никто не знал, кем были эти люди и чем они занимались. На второй день их пребывания в Честертоне Вирджил Уокер поднялся на крышу трактира и проследил за ними. Он видел, как старики направились в сторону Даунширских холмов; но вскоре дорога, по которой они шли, ныряла в Блэквудский лес, так что Вирджил потерял их из вида.

Маргарет пару раз заглядывала в комнату стариков, да и сам Вирджил не удержался от соблазна заглянуть туда в их отсутствие. Но ни один из них не находил там ничего необычного – старики не оставляли в комнате ничего, что бы могло подсказать Вирджилу и его жене: кто были эти люди и что их привело в Честертон. Лишь старая Библия в кожаном переплете, да глиняная чашка со смолянистой, дурно пахнущей, жидкостью – всё, что обнаруживали Уокеры в комнате стариков, но это им ни о чем не говорило.

Вирджил Уокер разговаривал со стариком Тэмплботтом, кузнецом Фетчером, каждый вечер заглядывавшим к нему в трактир пропустить кружку пива, приходским священником отцом Спейсером, другими завсегдатаями своего трактира, но никто из них не знал, чем занимались старики. Возможно, говорил отец Спейсер, они были странствующими монахами. Одежда их напоминает одежду странствующих монахов, да и кресты на груди у обоих и Библия в их комнате говорят о том, что они набожные люди. Старая дорога, идущая через Блэквудский лес, ведет к заброшенной церкви Сэйнт-Винчестерского аббатства, и возможно, эти двое прибыли сюда, дабы восстановить эту церковь... Но эта же дорога идет мимо Честервильского кладбища, говорил кузнец Фетчер, обхватив кружку с пивом своей медвежьей ладонью. И как знать, не кладбище ли притягивает стариков – ведь глина на Честервильском кладбище как раз-таки желтая?..

На третий день пребывания стариков в Честертоне Артур Тэмплботт, старший сын старика Тэмплботта, заявил, что пора прекратить эти тайны. Потягивая грог, он сказал, что завтра они с Крисом пойдут за стариками и выяснят, куда те уходят каждое утро. Подливая грог в кружки сыновей Тэмплботтов, Вирджил ухмылялся, зная, что никуда они не пойдут – за ночь они протрезвеют, а утром отправятся в замок лорда Балмера. Но сейчас они подзадоривали себя и тех, кто собрался в трактире, а это было на руку Уокеру – сыновья Тэмплботты заказывали грог, и Вирджил не скупился – грог лился в кружки собравшихся, а медные и серебряные монетки сыпались в его карман.

Всё это было в начале восьмого вечера. В трактире Уокера к тому времени собрались Тэмплботты, кузнец Фетчер, отец Спейсер и управляющий поместьем лорда Балмера, Трейси, – пожилой человек лет пятидесяти, с редкими волосами и лицом, обтянутым ветхой кожей, похожей на высушенный пергамент. Все они, кроме отца Спейсера, пили пиво, обсуждая последние Честертонские новости.

В девять вечера дверь трактира открылась, и вошли старики. При их появлении все замолчали и уставились на вошедших. Сам Вирджил Уокер от неожиданности вздрогнул, вспомнив, что два предыдущих вечера старики не появлялись раньше полуночи.

Вошедшие заказали горячего чая, после чего один из них поднялся наверх и вернулся назад с Библией в руке. Выпив чай, старики спросили Уокера, есть ли у него лопата и кирка? Вирджил насторожился. Конечно же, у него были эти инструменты, но он не знал, зачем они понадобились старикам, и колебался. Один из стариков вытащил из кармана золотую монетку и показал ее Вирджили. Через пару минут тот принес лопату и кирку.

Взяв инструменты, старики вышли на улицу и в наползающих сумерках отправились в сторону Даунширских холмов. Пару секунд в трактире висела гробовая тишина, и вдруг... Артур Тэмплботт пихнул локтем младшего брата:

– Пойдем-ка за ними и узнаем, что они затевают!

Какое-то время Крис сидел неподвижно. Потом опрокинул в рот остатки янтарного грога и поднялся со стула. Отец Спейсер хотел было что-то сказать, но раздумал. Кузнец Фетчер хмыкнул: «Будьте поосторожнее, парни! Не попадайтесь им на глаза!» и ухмыльнулся своим медвежьим оскалом.

Артур и Крис выскочили из трактира и побежали за удаляющимися фигурами стариков...

В десять часов солнце опустилось за Даунширские холмы, и ночь, словно огромное чудовище, наползла на Честертон, окутав всё мраком.

Через час начали выть собаки. Люди, собравшиеся в трактире Уокера, прислушивались к их вою с удивлением, смешанным с неясной тревогой: казалось, все собаки Честертон отпраздновали в Блэквудский лес, чтобы выть в эту ночь на луну. Они выли непрерывно: затягивали одни, подхватывали вторые, вторили третьи... В них вселились демоны леса, сказал старик Тэмплботт. Вирджил Уокер хмыкнул, ответив, что демоны леса вселяются разве что в старика



Тэмплботта и его сыновей после пары кружек крепкого грога. Но ухмылка у Вирджила была вялой – он чувствовал беспокойство: что-то происходит у Даунширских холмов, думал он, что-то нехорошее. Собаки начали выть неспроста...

В полночь поднялся сильный ветер. Небо, безоблачное до этого, затянуло тучами. Исчезла луна, освещавшая Честертон, и в кромешной тьме вой собак, несущийся от Даунширских холмов, стал казаться еще более зловещим.

Отец Спейсер выразил беспокойство по поводу Артура и Криса. Да и старикам, сказал он, пора бы уже вернуться назад. Что они могут делать так поздно в лесу? Кузнец Фетчер принялся рассказывать о принстонских ведьмах, сожженных тридцать лет назад в Пламтауне, в двадцати милях от Честертон. Его отец брал его тогда с собой, и он видел, как сжигали ведьм – трех молодых женщин. Они стояли в белых одеждах, с распущенными волосами, рассказывал Фетчер, на деревянном помосте, прикованные цепями к просмоленным столбам. Он видел, как человек в черном балахоне, подносил факел к связкам сухого хвороста, и тот занимался, начиная поигрывать веселым огнем. Потом принялись кричать ведьмы... Их обвинили в поклонении Дьяволу, говорил кузнец. Они приходили на местное кладбище, разрывали могилы и оскверняли их, разбрасывая кости покойников; а поймали их, когда они раскапывали очередную могилу...

В этот момент закричала жена трактирщика, и отец Спейсер посоветовал Фетчеру прекратить свою речь, дабы не осквернять слух собравшихся рассказом о ведьмах. Кузнец хмыкнул, и в наступившей тишине еще явственнее стал слышен вой собак, смешанный с завыванием ветра на улице. Словно хохочут черти, подумал старик Тэмплботт, разглядывая желтую пену в стоящей перед ним кружке, а Фетчер помолчал и добавил:

– Вот я и говорю: кто знает, что делают эти двое? Может быть, они действительно отправились на Честервильское кладбище?..

Через десять минут грохнула входная дверь трактира, пропуская внутрь сыновей Тэмплботтов. Артур и Крис прошли через трактир и остановились у стойки, за которой стоял Вирджил Уокер. Их лица были белее снега – как будто бы только что они повстречались со Смертью.

Артур протянул дрожащую руку к кружке, не в силах выдавить из себя ни слова. Крис трясся с головы до ног, и в тишине, повисшей в трактире, все вдруг услышали, как стучат его зубы. Вирджил плеснул Артуру грога, чувствуя, что его самого начинает трясти, и метнул испуганный взгляд на отца Спейсера. Фетчер и Треиси вскочили на ноги. Старик Тэмплботт встал со стула и направился к сыновьям.

– Что случилось, Артур?

– Что вы видели?

– Боже, да что с вами?..

Вопросы сыпались со всех сторон, но Артур и Крис не отвечали на них, прильнув к своим кружкам.

Наконец, Артур поднял голову:

– Боже! Это был Дьявол... Самый настоящий Дьявол!

Немного отдышавшись, он судорожно вздохнул и начал рассказывать:

– Когда мы вышли из трактира, было еще светло. Старики шли в сорока ярдах от нас. Мы с Крисом прятались за кустами, но они даже не оборачивались и шли очень быстро. Минут через десять они вошли в Блэквудский лес, и мы поспешили за ними, чтобы не потерять их из вида... – на секунду Артур прикрыл глаза. – Старики прошли через лес и там, где дорога раздваивается, повернули к Честервильскому кладбищу...

Кузнец Фетчер многозначительно хмыкнул: «А я что говорил?..»

Артур Тэмплботт продолжал:

– Они прошли по дороге вдоль леса и через пару минут оказались на кладбище. Мы с Крисом шли за ними, не упуская их из вида. Старики направились через кладбище и вскоре вышли с его обратной стороны. Сначала мы решили, что сейчас они отправятся к заброшенной церкви, но старики повернули к Балмер-Крипту...

– К фамильному склепу лордов Балмеров?! – выдохнул пораженный Трейси.

– Точно! – кивнул Артур, лицо его было мрачнее тучи. – Они пошли по тропинке и через минуту оказались у склепа. Его двери были открыты...

– Что?! – прошептал отец Спейсер.

– Но это же невозможно! – Трейси мотнул головой. – Ключ от дверей склепа хранится в замке лорда Балмера!

– Говорю вам: дверь была открыта, – упрямо повторил Артур, проводя дрожащей рукой по лицу. – В это время стало темнеть. Один старик зажег факел и воткнул его у входа в склеп. Затем они вошли внутрь... Мы с Крисом подобрались ближе к склепу, чтобы увидеть, что они будут делать дальше...

Крис Тэмплботт сидел рядом с братом, отчаянно обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

– ...И то, что мы увидели, было ужасно, – продолжал Артур. – Старики начали *раскапывать* могилу старого лорда Балмера!

Вирджил Уокер, слушавший Тэмплботта с открытым ртом, дернул рукой, и бутылка грога опрокинулась на прилавок. Жидкость вытекла из бутылки и закапала на пол. Маргарет, отец Спейсер и Трейси принялись креститься, в то время как Фетчер, отхлебнув пива, мрачно бросил:

– Вот дьявол!

– Один из них работал лопатой, другой – киркой, – рассказывал Артур. – Мы с Крисом сидели недалеко от входа и наблюдали за ними. Они работали около часа. За это время стало совсем темно, и только факел освещал внутренности склепа... Боже, мне показалось, что в этом неверном свете они были похожи на демонов! – Неожиданно глаза у Артура помутнели, словно мысленно он перенесся на кладбище. – А потом начали выть собаки...

В этот момент Крис Тэмплботт всхлипнул, и его тело начала сотрясать бешеная дрожь. Отец Спейсер тихо шептал молитву, непрерывно крестясь.

– ...Я подумал, что они сошли с ума, эти собаки. Они были за кладбищем, около леса. Я решил, что они перебегут через кладбище к склепу, но они оставались на месте. Я видел их – они собрались у дороги, несколько десятков псов. Я и не думал, что во всем Честертоне наберется столько собак! Они стояли у леса, повернув головы в нашу сторону, и выли. У меня волосы встали дыбом. Этот вой был как стон Сатаны, – по телу Артура прокатился озноб. – Но это было ничто, по сравнению с тем, что мы увидели дальше... Минут через десять старики закончили рыть могилу лорда Балмера, и тогда... тогда мы увидели *самого* лорда Балмера! Старики вытащили его из земли и отнесли к входу в склеп!

– *Покойника*?! – прохрипел кузнец Фетчер и впервые за вечер перекрестился.

– Нет! – выдохнул Артур, допил остатки своего грога и закончил: – Это был *живой* лорд Эдвиг Кэмберлен Балмер Шестой!

Все присутствующие вздрогнули и испуганно переглянулись. Отец Спейсер принялся молиться еще неистовее, чем прежде, а жена Вирджила Уокера побледнела и, казалось, готова была в любой момент упасть в обморок.

Трейси прошептал:

– Не может этого быть... Лорд Балмер Шестой умер восемь лет назад. Душа его отошла к Господу, а тело предано земле!

– ...Господи Иисуси, спаси и помилуй! – продолжал отец Спейсер.

– Это был лорд Эдвиг Кэмберлен Балмер Шестой, – повторил Артур. – Я не был настолько пьян, чтобы ошибиться. И я еще хорошо помню лицо старого лорда Балмера – я прослужил в его замке достаточно долго, пока он был жив. Так неужели вы думаете, я мог ошибиться?

– Но как же он может быть жив, если мы похоронили его? – настаивал Трейси.

– Дьявол... Здесь дело не чисто, – качал головой Фетчер.

– Подождите, я еще не всё рассказал, – мрачно протянул Артур. – Когда они вытащили его из могилы и усадили у входа в склеп, собаки за кладбищем начали выть сильнее, чем прежде, а старики стали делать что-то непонятное: один сел напротив лорда Балмера и принялся читать Библию, а второй взял мешок и ушел в глубину склепа... Но самое страшное случилось потом. Минуты через две после того, как старик начал читать, мы увидели, как лорд Балмер открыл глаза и протянул к старику руку! И вот тогда... – Артур сглотнул, – тогда мы с Крисом не выдержали и побежали оттуда!

После последних слов Тэмплботта все находившиеся в трактире окаменели. Несколько мгновений, показавшихся Уокеру минутами, все молчали, а потом закричали, перебивая друг друга:

– Что же нам делать?

– Дьяволы в человеческом облики!

– Они осквернили могилу!

– Лорд Балмер умер! Он не может быть жив!..

– *Вот что!* – прогремел вдруг голос кузнеца Фетчера, и все замолчали.

Кузнец поднял руку и обвел всех тяжелым, словно разящий меч, взглядом:

– Нужно разобраться с этой историей до конца. Мне она не нравится – так же, как и всем вам, – но нужно разобраться... Я верю словам Артура, а вы?

Он снова обвел всех собравшихся взглядом. Вирджил Уокер медленно кивнул. Отец Спейсер закончил молитву и тоже качнул головой. Колебался один только Трейси. Все знали, что Артур Тэмплботт иногда любит выпить. Но все знали и то, что он никогда не лжет. И если он говорит, что на Честервильском кладбище два старика раскопали склеп старого лорда и вытащили его из могилы, значит, это правда. Какой бы невероятно-ужасной она ни казалась.

Трейси, словно бы нехотя, протянул:

– Ну, и что же нам делать?

– Я думаю, – лицо говорившего Фетчера было черным, как туча, – что существо, которое старики вытащили из могилы Балмер-Крипта, не является лордом Балмером... Лорд Балмер Шестой умер восемь лет назад, похоронен, как подобает христианину, и могила его освещена церковью!

Отец Спейсер снова перекрестился, а Трейси согласно покивал головой, с надеждой глядя на кузнеца.

– Поэтому теперь мы должны узнать, что это за существо. Ответить на это могут только те старики. Нам надо пойти на Честервильское кладбище и узнать всё на месте!

Все были поражены подобным предложением Фетчера. Крис Тэмплботт, обхватив голову руками, начал вдруг подвывать, словно вторя собакам в Блэквудском лесу. Уж он-то точно не пойдет больше на это чертово кладбище – ни днем, ни, тем более, ночью...

– Но это опасно, – прохрипел Вирджил Уокер. – Чертовски опасно, Фетчер!

– Конечно, – ответил кузнец. – Но все-таки мы должны разобраться... Я думаю, что Трейси и Артур должны пойти в замок лорда Балмера и рассказать молодому лорду о том, что Артур и Крис видели на Честервильском кладбище. Пусть он возьмет людей и идет к Балмер-Крипту. И чем быстрее, тем лучше!

– А ты?! – выдохнул Трейси.

– Мы с отцом Спейсером и Вирджилом пойдем в Блэквудский лес и будем вас ждать на развилке дороги у Честервильского кладбища.

Трактирщик судорожно всхрипнул и открыл было рот, словно очень хотел возразить. Но под тяжелым взглядом кузнеца потерял всякую возможность возражать и лишь испуганно взглянул на жену, почти неживую от страха.

– Расскажите ему всё, и пусть поторопится! – повторил Фетчер. – Идите!

Трейси и Артур колебались мгновение. Затем вскочили со стульев и бросились из трактира. Через секунду сквозь дьявольские завывания ветра на улице до людей, сидевших в трактире, донеслась мерная дробь лошадей, помчавшихся в сторону замка лорда Балмера.

Когда вой собак и стенания ветра усилились, кузнец Фетчер повернулся к отцу Спейсеру и Вирджилю Уокеру...

\* \* \*

Через десять минут все трое стояли в пятидесяти ярдах от ограды Честервильского кладбища. Вирджил Уокер дрожал с головы до ног, глядя на стаю собак, собравшихся перед могильной оградой. Головы всех собак были повернуты в сторону Балмер-Крипта, а из глоток их вырывался протяжный, разрывающий душу вой. Кузнец Фетчер с беспокойством подумал, что собаки воют, не останавливаясь уже три часа. Неужели они не устали?

Он придвинулся ближе к священнику, сжимавшему в руке небольшое распятие. К вою собак примешивалось скрипение сосен, раскачивающихся под порывами ветра, и людям казалось, что у подножия Даунширских холмов демоны собрались на свой шабаш. Над Блэквудским лесом висела кромешная мгла, небо было затянуто тучами, а единственной искоркой света в этой полночной мгле был слабый огонь, мерцавший со стороны Балмер-Крипта...

Через минуту на дороге застучали копыта, и на опушку перед Блэквудским лесом выскочили всадники с факелами в руках.

Отец Спейсер бросился к гнедому скакуну, с которого соскочил молодой человек с копной черных волос и бледным лицом, искаженным отчаянием.

– Отец мой, правда ли то, что говорят эти люди? – Чарльз Балмер впился глазами в лицо священника.

Тот освятил себя и сэра Чарльза знаменiem и молча указал на одинокий огонь, горевший за Честервильским кладбищем.

– Милорд, мы должны пойти и узнать, что происходит в фамильном склепе вашей семьи! – произнес кузнец Фетчер, почтительно склоняя свою медвежью голову в паре шагов от лорда Балмера.

Артур Тэмплботт и Трейси, соскочившие с лошадей, уже привязывали их к деревьям; то же самое делали трое слуг лорда Балмера, прискакавшие сюда со своим хозяином.

Казалось, Чарльз Балмер не верил до конца словам Артура Тэмплботта и своего управляющего, и колебался. Но вот он вздохнул и повернулся в сторону Балмер-Крипта...

Вскоре девять человек шли по тропинке к Честервильскому кладбищу. Приближаясь к ограде, слуги лорда Балмера обнажили мечи, но собаки, собравшиеся перед воротами, казалось, обрадовались появлению людей. Они почти прекратили выть и, повизгивая, словно щенята, расступились, давая людям возможность пройти. Девять человек скользнули за ограду и пошли вдоль могил Честервильского кладбища. Но когда они отошли от ворот футов на двадцать, псы принялись выть с прежней силой...

С приближением к Балмер-Крипту движение процессии замедлилось. Шедшие впереди лорд Балмер, Фетчер и Трейси услышали вдруг слова, произносимые монотонным голосом: «*Mors stupebit et natura, cum resurget creatura, indicanti respon sure...*<sup>1</sup>»

---

<sup>1</sup> “Смерть творит чудо с природой: мертвец встает из истлевшего гроба, повинуюсь зову Судьи...” (лат.) (Строки из гимна Томазо из Келано, 1260 г.)

Треysi достал из складок одежды распятие и, держа его в левой руке, а в правой удерживая обнаженный меч, двинулся к освещенному входу в склеп впереди лорда Балмера – словно загораживая его собой от того, что могло предстать перед ними через минуту. Медведеподобный Фетчер шел по другую сторону лорда Балмера, готовый защитить его, если только возникнет необходимость.

«*Tuba mirum spargens sonum, per sepulchra regionum...<sup>2</sup>*» – продолжало звучать со стороны склепа, и отец Спейсер, словно вторя этому мрачному голосу, бормотал: «Господи Иисуси! Спаси и сохрани! И дай нам сил снести все испытания на пути нашем!...»

Вирджил Уокер шел позади процессии, с ужасом озираясь по сторонам – на могилы, освещенные тусклым светом горящих факелов. Господи Всевышний, думал он, как хорошо в его трактире с Маргарет и кружкой эля. Как безопасно! Ну, зачем он пошел в эту ночь на Честервильское кладбище? Ему нужно было найти повод, чтобы остаться в трактире, а вместо этого...

Внезапно тишину ночи пронзил крик.

Кричал Чарльз Балмер.

В эту минуту процессия подошла к входу в склеп, и в кроваво-красных отблесках факела, горевшего на фронтоне склепа, Чарльз Балмер, Фетчер и отец Спейсер увидели старого лорда Балмера – он сидел, прислонившись спиной к каменной плите входа, а напротив него старик с прядями седых волос, похожих на клочки иссушенной пакли, читал «Гимн мертвых». Голое тело лорда Балмера было облеплено комочками глины, руки плетью свисали вдоль тела, но глаза его, горевшие звериной яростью, были прикованы к изборожденному морщинами лицу старика.

Увидев отца, такого живого и знакомого с детства, Чарльз Балмер вскрикнул.

Отец Спейсер вздрогнул и, выставив распятие, принялся молиться еще неистовее, чем прежде. Фетчер в страхе попятился. Слуги лорда Балмера, также увидевшие старого лорда, в ужасе зашептались.

Лорд Балмер Шестой метнул яростный взгляд на остановившихся перед склепом. Но выражение нечеловеческой ненависти, висевшее на его лице, не исчезло, когда он увидел сына. Он издал полуживотный рык и сделал попытку поднять свои руки. Но слабые руки упали на землю, и лорд Балмер метнул яростный взгляд обратно на старика.

При появлении Чарльза Балмера старик, сидевший у входа в склеп, прекратил чтение. Он посмотрел на остановившихся перед склепом, в глазах его тут же вспыхнуло беспокойство. Затем он встал на ноги и шагнул вперед, загораживая собой сидящего на земле.

– Кто вы такие? – спросил он с тревогой.

– Отец! – ринувшийся вперед Чарльз Балмер сделал попытку отпихнуть старика.

В этот момент перед ним оказался второй старик – почти точная копия первого, только волосы на его голове были белее и реже, а морщины – чуть глубже, чем у первого.

– Милорд, – произнес этот старик. – Это не ваш отец. Прошу вас: уйдите!

– Что?! – вскричал Чарльз Балмер. – Не мой отец?! Да что вы такое сейчас говорите?! Я ведь вижу эти глаза и лицо!.. Это лицо моего отца!

Он сделал попытку обойти старика.

– Милорд, – повторил седовласый старик, – лорд Эдвиг Кэмберлен Балмер Шестой умер в 1533 году. Так написано на этой плите, – его палец скользнул в сторону могильной плиты, лежащей рядом с дырой, зияющей в глубине склепа. – Он почил с миром, и душа его отошла к Господу. Уйдите, милорд, – это не ваш отец!

– Боже, да что говорит этот человек?! – Чарльз Балмер метнул на отца Спейсера взгляд, полный тоски. – Преподобный Спейсер, вы же видите то же, что и я! Это ведь мой отец?!

---

<sup>2</sup> «Трубы гремят пронзительным воем, и встают из могил покойники строем...» (лат.)

Священник с сожалением качнул головой.

– Фетчер, Трейси!.. – Чарльз Балмер обернулся к кузнецу с управляющим. – Вы знали моего отца! Скажите им!..

– Милорд, мертвые не встают из праха, – глухо проворчал Трейси, косясь на измазанные глиной голые ноги, выглядывающие из-за спины старика.

– Милорд, прошу вас: уйдите! – в третий раз повторил старик – тихо, но настойчиво.

– Но кто же это, если не мой отец?! – вскричал Чарльз Балмер. – И что вы с ним делаете?! Зловещая тишина повисла над Балмер-Криптом, и вдруг...

– Вампир, – тихо, но отчетливо, произнес один из слуг лорда Балмера.

– Господи! – прошептал Вирджил Уокер и попятился назад.

Кузнец Фетчер нахмурился.

Чарльз Балмер издал отчаянный стон, похожий на тот, что минуту назад вырвался из глотки создания, сидящего у входа в склеп:

– Кто вы?.. И кто этот человек, если не мой отец?..

Секунду старик смотрел на Чарльза Балмера глазами бездонными, как лесной омут, наконец, произнес:

– Меня зовут Фарид Аз Гохар. А это – мой сын, – кивнул он на старика с Библией в руке. – И мы просим вас уйти, дабы не свершилось зло...

Увидев боль, светившуюся в глазах Чарльза Балмера, он добавил:

– Милорд, даже если я начну объяснять, вы ничего не поймете. Одно я могу сказать вам твердо: это не ваш отец и не вампир, как сказал один из этих людей... Душа человека принадлежит Богу, темная сущность вампира – Дьяволу. Это существо не имеет души и не принадлежит поэтому ни Свету, ни Тьме. Но оно страшнее самого чистого зла, поэтому уйдите, милорд, и уведите ваших людей!

– Но почему оно так похоже на моего отца?! – Чарльз Балмер всё еще не верил словам старика.

Тот на миг посмотрел на сидящего на земле, и вдруг... в его глазах вспыхнул страх.

– Уйдите, милорд! – крикнул он, но теперь в его голосе прозвучал ужас. – Оно набирает силу! Уйдите, пока еще можно!..

Чарльз Балмер вздрогнул. Стоявшие позади него резко попятились, испуганные выкриком старика, а сам он бросился к сидевшему на земле существу и, вытащив из мешка глиняную бутылку, начал обмазывать его тело какой-то маслянистой жидкостью.

– Что вы с ним делаете?! – выкрикнул Чарльз, по-прежнему не в силах оторвать взгляд от лица того, кто так сильно походил на старого лорда Балмера.

И вдруг в его голове прозвучал ласковый голос, похожий на звон колокольчика: «*Чарли, ведь ты не позволишь им убить твоего отца?..*»

Этот голос!

Сколько раз он слышал его в детстве, когда возвращавшийся с охоты отец подъезжал к крыльцу родового замка на гнедом жеребце, спрыгивал на землю и, подхватывая его на руки, подбрасывал в воздух, приговаривая: «Чарли, а посмотри-ка, что привез тебе твой отец!..», и показывал подстреленного зайца или утку... Сколько раз этот голос наставлял его в юности, давая советы; хвалил, когда Чарли заслуживал похвалы; ругал, когда это было необходимо... И вот теперь этот голос звучал в его голове с новой силой: «Чарли, не позволяй им убить меня... Ведь они хотят это сделать, Чарли! Хотят *убить* твоего отца!..»

Внезапно в мозгу Чарльза Балмера вспыхнула ярость. Всепоглощающая, заставляющая забыть всё на свете... Выхватив меч, он ринулся к старикам. Двадцатифунтовое лезвие просвистело по воздуху, но в последний момент медвежья лапа кузнеца Фетчера перехватила руку с занесенным мечом, и Чарльз Балмер забился в могучих объятиях.

– Уведите его отсюда и уйдите сами! – яростно кричал старик, торопливо обмазывая тело существа с лицом лорда Балмера дурно пахнущей жидкостью. – Уйдите, иначе свершится Зло!

Держа факелы над головами, люди в ужасе попятились от Балмер-Крипта, спотыкаясь, шепча слова молитвы, но не сводя глаз с дьявольского создания, сидящего у входа в склеп.

Лорд Балмер Шестой издал еще один животный стон, исполненный бешенства, и метнул взгляд на удаляющуюся процессию.

Со стороны склепа снова зазвучали слова «Гимна мертвых».

Внезапно Чарльз Балмер обмяк в руках кузнеца. Глаза его заволокла пленка, и он бы упал, если бы Фетчер его не поддерживал.

– Уходите быстрее! – кричал старик. – Оно становится сильнее!.. *Бегите* отсюда!!!

Люди, пораженные этим яростным криком, развернулись, словно тотчас хотели броситься к выходу с Честервильского кладбища, но в этот момент что-то случилось с Уокером. Трактирщик, дрожавший с головы до ног и пятившийся в самом конце процессии, неожиданно упал на колени. Простонав, словно от сильной боли, пронзившей его изнутри, он обхватил голову руками, секунду стоял неподвижно, а потом поднял ее и звериным взглядом уставился на Чарльза Балмера.

Мгновенье спустя он вскочил на ноги и, выхватив из руки ближайшего к себе человека меч, с силой описал им большую дугу. Двое слуг лорда Балмера, попавшие под лезвие, рухнули между могил, а Вирджил Уокер, издав яростный рык, бросился к Чарльзу Балмеру, заноса над головою оружие. В последний момент Фетчер повернулся спиной к трактирщику, загораживая собой лорда Балмера; Трейси взмахнул своим мечом, пронзая горло Вирджила, и тот рухнул на землю – поднятый им меч тяжело упал на плечо кузнеца, рассекая плоть, но этот удар не был смертельным.

Артур Тэмплботт и отец Спейсер замерли, пораженные случившимся, но уже через миг подхватили лорда Балмера и истекающего кровью кузнеца, и бросились вдоль могил к выходу с Честервильского кладбища.

За какие-то секунды они оказались у его выхода, и вдруг... кладбище *содрогнулось* от чудовищного крика!

Оглянувшись назад, Артур Тэмплботт, отец Спейсер и Трейси увидели, как старик, смазывавший дьявольское создание смолянистой жидкостью, схватил факел, горевший на фронтоне Балмер-Крипта, и поднес его к существу – в тот же миг оно вспыхнуло ярким пламенем, превратившись в гигантский костер и издав нечеловеческий рев.

Люди застыли, пораженные увиденным, а затем развернулись и, не оборачиваясь более ни на секунду, бросились через Блэквудский лес в Честертон...

Вдогонку им летел крик, в котором смешивались нечеловеческие ярость и боль. Крик этот поднимался над Балмер-Криптом, разносился над тремя мертвецами, лежащими на Честервильском кладбище, над стаей притихших собак, собравшихся на опушке перед Блэквудским лесом, над Даунширскими холмами, и доносился до окраин Честертона.

Была в этом крике ненависть, испытать которую не способно ни одно существо, порожденное Дьяволом или Богом, – *первородная ненависть*...

## Часть первая: ПРОБУЖДЕНИЕ ЗЛА

### Глава первая

Пепе Сборца смахнул со лба прядь густых пепельно-серых волос. Сжав правую руку в кулак, посмотрел на сбитые костяшки пальцев. Кровяная корочка на них приобрела мертвенно-бурый оттенок. «Может, смазать каким-нибудь кремом? – подумал Пепе. – Взять у Лайлы один из ее косметических кремов, смазать паршивую корку, и она отвалится через пару дней. Одни неудобства от этих ссадин!» Он чертыхнулся... Позавчера вечером, например, та белобрысая куколка, которую он так ловко прижал в гримерной ресторанчика Гизи Валенти, облизывая его руку, словно споткнулась, дойдя до сбитых костяшек пальцев, долго их рассматривала, а потом заявила, что они не красят внешний вид Пепе Сборцы. Пепе любил женщин и прислушивался к их мнению. Женщинам не нравились сбитые костяшки на его руках; значит, они не нравились и самому Пепе. Какой отсюда следует вывод? Бить надо аккуратнее. Кастет при случае надевать. А если нет кастета, быть осторожней. Не терять голову, как говорит Доминик Пальоли. А вот Пепе в прошлое воскресенье голову потерял – начал метелить одного из официантов Микеле, когда тот сказал, что не смог наскрести нужную сумму. Если бы не Доминик, парня бы отправили прямоком в больницу. Доминик вовремя оттащил Пепе от съевшегося от страха официанта, но руки Пепе были уже непоправимо испорчены – кровавые ссадины остались на трех средних пальцах.

«Надо будет взять крем у Лайлы,» – снова подумал Пепе.

Он пощелкал кнопками стереоприемника и остановился на «Ностальжи». «...*Мы будем вместе с тобой навсегда, любовь – путеводная нить...*» – пел Франко Аббьяни.

Пепе снова смахнул со лба прядь волос и с беспокойством взглянул в зеркало машины. Нет, выглядит он неплохо, хотя и спал прошлой ночью лишь три часа. Легкое покраснение век и синие мешки под глазами – небольшая плата за красиво проведенную ночь. Сейчас он заедет в «Луого ди Риджи», выпьет черного кофе, и усталость исчезнет.

Пепе зевнул, обводя быстрым взглядом витрины магазинчиков, расположенных по правую сторону Виа Мугетто: кондитерская, лавка зеленщика, меховой магазин братьев Томазо...

Заметив женскую фигуру, одиноко стоящую у витрины мехового магазина, Пепе резко повернул руль машины, одновременно нажимая на тормоз. Его голубая «баркетта» уткнулась колесом в бордюр тротуара. Пепе выскочил из машины и легкой походкой направился к магазину братьев Томазо.

– Привет, Тина!

Пепе остановился в паре шагов от девушки лет двадцати, разглядывающей выставленные в витрине образцы мехов. Услышав голос Пепе, девушка обернулась.

– Присматриваешь себе подарок? Может, я помогу? Купить тебе что-нибудь ко Дню Всех Святых?

Пепе, ухмыляясь, смотрел на девушку, которая разглядывала его оценивающим взглядом.

– Подарок?.. Да у тебя же денег не хватит мне на подарок! – фыркнула та.

– Откуда ты знаешь? Ты ведь не заглядывала в мой кошелек.

– А мне и заглядывать не надо. Там пусто!

– А может, встретимся вечером и посмотрим вместе? Заодно и обсудим, что тебе купить ко Дню Всех Святых?

Пепе сделал шаг к девушке и положил ладони на ее талию.



В этот момент из магазина мехов вышел невысокий, плотного сложения человек и, окинув улицу взглядом, двинулся в ту сторону, откуда только что прибыл Сборца.

– Привет, Романо! Что же ты не узнаешь старых друзей? Хороший сегодня денек, а?

Человек, вышедший из магазина мехов, обернулся на голос и, увидев стоящего невдалеке Сборцу, натянуто улыбнулся.

– Привет, Пепе!

– Мой старый друг – Романо Томазо, – доверительно сообщил Пепе Тине и добавил чуть громче: – Послушай, Романо... Я тут хочу прикупить своей девушке подарок ко Дню Всех Святых. Что-нибудь из мехов!

Томазо кивнул.

– У вас, я смотрю, неплохой выбор. Поможешь мне подобрать подарок?

– Конечно! Заходи в любое время, Пепе, – Романо Томазо, видимо, спешил, но не решался вот так просто уйти.

– Хорошо. Тогда я заскочу в ближайшие дни?

– Всегда тебя рады видеть, Пепе!

Пепе Сборца кивнул, и Романо Томазо с видимым облегчением развернулся и заспешил вниз по улице.

Пепе посмотрел на девушку.

– Ну, так что, Тина? Обсудим сегодня вечером твой подарок?

– Мне нравятся песцы! – ослепительно улыбнулась та.

– В девять вечера, у ресторана Старелли?

– Ладно.

– Обожаю красное белье, – шепнул Пепе на ухо Тине. – Надень его сегодня!

Погладив девушку по ягодице, он отправился к своей машине...

Спустя пять минут голубая «баркетта» остановилась у кафе «Луого ди Риджи». Пепе вылез из автомобиля и не спеша пошел к открытой террасе, заставленной красными столиками и такого же цвета стульями. Выбрав один из свободных столов, уселся под тент и принялся ждать, разглядывая посетителей.

Хозяин кафе, Антонио Риджи – тучный толстяк с черными волосами, – вскоре заметил Пепе, подозвал одного из официантов и сказал ему что-то на ухо, протягивая меню. Официант взял красную книжечку с золотистым тиснением и пошел между столиками.

Через несколько секунд он остановился возле Сборцы. Взяв меню, Пепе раскрыл его и увидел конверт, туго набитый деньгами – на глаз, тысяч пятьсот. Быстро пересчитав купюры, Пепе довольно хмыкнул – ровно пятьсот тысяч лир.

– Принеси-ка мне кофе и чашку изюма... Кофе покрепче, – сказал он официанту, засовывая конверт в карман брюк. – Тони знает, как я люблю.

Пепе кивнул толстяку Риджи, выжидательно глядящему на него из-за прилавка, и лениво откинулся на стуле. На противоположной стороне улицы были припаркованы машины: «фиаты», «пежо», парочка «БМВ»... Пепе хмыкнул: дыра этот Террено – ни одного «ягуара» или «порше». В Милане они на каждом шагу, а здесь...

Второй страстью Пепе, после женщин, были машины. Он разбирался в автомобильных марках не хуже, чем его родная сестра – в помадах и кремах для рук; а уж кто как ни Лайла разбирается в кремах – ведь она профессиональный косметолог.

Выбираясь в Турин или Геную, Пепе не мог проехать по улице, не повернувшись раз десять вслед проезжавшему «порше» или «мазератти». Доминик Пальоли сто раз выговаривал ему за это («Пепе, сначала работа, потом – развлечения»), но тот был бессилен сделать что-либо – как только очередное железное диво проплывало мимо него, поигрывая бликами на своих лакированных боках, голова Пепе поворачивалась ему вслед, а мозг автоматически выдавал всю имевшуюся информацию: литраж, тактовая частота двигателя, базовая цена...

А ведь Доминик прав, думал Пепе, ощущая в кармане брюк «подарок» Антонио Риджи. Сначала работа, потом – развлечения. До сих пор его маниакальная страсть к машинам общему делу не вредила. Но если такое случится, Доминик выкинет его из дела в два счета. А хочет ли Пепе быть выкинутым из дела? Нет. Кем бы он был, если бы не Доминик Пальоли? Помощником зеленщика или продавцом в бакалейной лавке. Это в лучшем случае. В худшем – грузчиком в порту или сторожем какого-нибудь склада на пирсе. Смог бы он тогда разъезжать на «баркетте»? Смог бы он тогда каждый вечер снимать новую девочку? Смог бы он тогда с утра пораньше наслаждаться вкусом черного кофе, а при встрече с владельцем мехового магазина бросать небрежное: «Привет, Романо!»?

Пепе сморщился, словно во рту его лопнула кислая виноградина.

Сначала работа, потом – развлечения. Так говорит Доминик Пальоли, а ведь Доминик – большой человек. Он контролирует Вилладжо-Верде, а это – пятая часть Террено. Да если бы не Доминик, он бы до сих пор прозябал в грязи...

*...Пять лет назад Пепе Сборца носился с ватагой таких же, как он, пятнадцати-, шестнадцатилетних пацанов, промышляя случайными заработками. Отца у него не было – когда Пепе было пять лет, тот ушел от жены к другой женицине и уехал из Террено. Мать его работала на соседней улице, в пекарне, но ее зарплата едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Пепе ходил в школу для бедняков, расположенную в трех кварталах от дома, где они жили, но в тринадцать лет он ее бросил и начал заниматься тем, что днями подрабатывал грузчиком в порту или продавал газеты на улицах, а вечером со стаей ровесников бежал по окраинам города, «облаивая» случайных прохожих; тогда же он впервые попробовал женицину.*

*Но у Пепе Сборцы не было будущего – всё, что его ждало, он знал наперед: еще два-три года он будет бегать по улице, потом найдет какую-нибудь нудную работенку, женится, у него появятся дети, и он будет тянуть эту лямку годами, пока у него не кончатся силы и он не найдет успокоение на Чимитеро ди Джовани. А может быть, он порвет с этой жизнью и уедет из Террено. Как и его отец.*

*Но однажды Пепе встретил синьора Франческо Борзо, и жизнь его круто изменилась.*

*Случилось это в один из июньских вечеров, когда со стороны гор Кальва-Монтанья дует легкий ветер и в воздухе стоит одуряющий запах лаванды. В один из таких вечеров Пепе и трое его приятелей отправились в порт, прихватив с собой пару бутылок вина. Они стояли на набережной, смотрели на бегущую воду, потягивали горькое, как хмель, вино, и Пепе с тоской думал о том, что вот так же и жизнь его уплывает день за днем, как волны этой реки, а он не видит радости, не живет, а лишь существует... Он уже и не помнил сейчас, из-за чего тогда начал спорить с приятелями, что его так разозлило, что он полез на них с кулаками. Но, слово за слово, а перепалка перешла в драку, и Пепе Сборца оказался один против трех. Он никогда не отличался хилым сложением; трехлетняя же работа в порту лишь закалила его мышцы. Его приятели тоже не были слабаками, но в тот вечер Пепе почувствовал злость. Пара ощутимых ударов в зубы только распалила его, и он стал с яростью избивать своих недавних «друзей»... Через пару минут три скорчившиеся фигуры лежали на набережной реки, харкая и отплеываясь кровью, а сам Пепе с мрачным выражением на лице уходил от пирса. В этот-то момент из машины, стоявшей недалеко от места, где Пепе делал из приятелей отбивные, вылез человек в серых фланелевых брюках, белой рубашке и сигаретой в зубах. Это и был синьор Франческо Борзо. Он подождал, пока Пепе поравняется с ним, и проговорил:*

*– Неплохо, молодой человек!.. Не желаете проделывать то же самое, но за деньги?*

*По инерции Пепе сделал пару шагов мимо незнакомца, потом остановился и, резко развернувшись, уставился на него. Мужчина был старше Пепе лет на пятнадцать, шире в плечах, с самодовольной улыбкой, словно прилипшей к губам.*

*Прошло секунд пять, прежде чем до Пепе дошел смысл услышанного:*

– Что?

– Я спрашиваю: не желаете проделывать то же самое, но за деньги? – Борзо улыбался...

Три дня спустя возле небольшого магазинчика музыкальных товаров остановились две машины. В одной из них сидели Пепе Сборца и человек по имени Доминик Пальоли. В другой – Франческо Борзо с парой телохранителей. В ожидании закрытия магазина они просидели двадцать минут. В восемь вечера магазин закрылся. Его владелец, мужчина лет сорока, опустил ставни на окнах, запер дверь и не спеша направился к своей машине, стоявшей на противоположной стороне улицы.

Пальоли указал на идущего через дорогу человека, сказал: «Давай», и Пепе выбрался из машины. Затем он быстро огляделся по сторонам – стайка ребятишек пяти-шести лет играла в десяти метрах от парковочной стоянки, но никого из взрослых поблизости не было.

Когда владелец магазина перешел через улицу и начал открывать дверь машины, Пепе шагнул от автомобиля Пальоли и ударил мужчину резиновой палкой по голове – тот упал на капот. Следующий удар пришелся по почкам мужчины. Взывавший от боли человек перевернулся на спину, и палка опустилась ему на лицо – послышался хруст ломающихся зубов...

Когда держащийся за лицо мужчина сполз на асфальт, Пепе высадил лобовое стекло его машины гаечным ключом и бросился к автомобилю Пальоли. Через секунду тот, взревев двигателем, умчался от магазина. Вслед за ним со стоянки плавно отъехала машина Франческо Борзо...

На следующий день Пепе получил от Доминика Пальоли двести тысяч лир – свой месячный заработок в порту. От предложения продолжать «работать» на синьора Франческо Пепе отказаться не смог. Месяц он был на испытательном сроке, выбив за это время десяток зубов и сломав одному бакалейщику руку; затем Дик (Доминик Пальоли) окончательно ввел его в курс дел. Пепе научился выколачивать из владельцев кафетериев и магазинов «подарки» для синьора Франческо. Каждую неделю, в пятницу днем, он объезжал свои владения – три торговые улицы в районе Вилладжо-Верде с многочисленными магазинчиками, кафетериями и забегаловками на них, – приветливо разговаривал с их владельцами, не отказывался от небольших сувениров, если ему предлагали, и неизменно уносил в своем кармане «подарок» для синьора Франческо. Вечером Пепе передавал собранные «подарки» Доминику, а уже от него, как он знал, они попадали к Франческо Борзо.

Через три месяца после начала «работы» Пепе Сборца переехал с окраины Террено на приличную квартиру недалеко от Пьяцца дель Фуоко – в центр города; перевез туда мать, младшего брата Николу и сестру Лайлу. У Пепе появились «лишние» деньги. Вскоре он купил машину, потом сменил ее на более дорогую. Всё чаще он стал заходить туда, где раньше и появиться не мог, – в дорогие рестораны на Золотом Бульваре. Через год Лайла уехала в Милан – учиться на косметолога. Деньги на учебу ей дал Пепе. Мать его к этому времени уже не работала – Пепе запретил ей работать, сказав, что им хватит его денег.

С тех пор прошло пять лет. Кем бы он был без Доминика Пальоли и синьора Франческо Борзо? Никем. Нулем в этом дерьмовом городе!..

...Официант принес, наконец, заказ, и Пепе принялся отпивать кофе маленькими глотками, кидая в рот комочки изюма. Всем он обязан Доминику Пальоли. Ведь это он тогда (как рассказывал впоследствии сам Дик) заметил молодого паренька, бегающего по окраинам Террено, понаблюдав за ним несколько месяцев, а затем показал капо – Франческо Борзо. Капо разрешил проверить Пепе. Проверка состоялась и прошла успешно.

Страшно подумать, кем бы он был сейчас, если бы не Доминик. Пепе вздохнул, мрачно подумав о перспективе быть выброшенным на улицу, и взглянул на часы – было начало десяти. В десять он должен заехать к Дику, и они отправятся совершать свой пятничный «рейс»...

Взгляд Пепе свободно блуждал по кафе, пока сам он неторопливо пил кофе. Вот он заметил двух девушек, сидящих в углу кафетерия. Одна из них – ничего. Длинные ноги, обтянутые лайкровыми чулками, приятное лицо, белая футболка с надписью «Life is a love». С английским Пепе был не в ладах, но значение этой фразы он знал. Может быть, подойти? Но времени у него уже почти не осталось – прежде чем ехать к Доминику Пальоли, нужно заскочить еще в одно место. К тому же и девушка на вечер у него уже есть.

На мгновение Пепе представил, как будет стягивать с Тины ее красные трусики, когда они, поужинав и выпив бутылку вина, окажутся в отеле, как разбросает Тина свои упругие бедра по постели, и почувствовал, как штаны его наливаются силой...

Допив кофе, он поставил чашку на стол.

Внезапно его внимание привлекла машина, остановившаяся на противоположной стороне улицы, и Пепе тут же забыл и о Тине, и о Доминике Пальоли – ядовито-желтый «феррари-спайдер» с открытым верхом, поблескивая обводами гигантского бампера, припарковался напротив «Луого ди Риджи». Пепе почувствовал, как отвисает его челюсть, – триста восемьдесят лошадиных сил, сто пятьдесят тысяч американских долларов! Да в Террено отродясь таких машин не водилось!

Тем временем водительская дверь «спайдера» открылась, и из машины выбрался мужчина в темных очках. Немного постояв на дороге, он двинулся к телефону-автомату, висевшему в десяти метрах от него на стене здания парикмахерской.

Пепе быстро поднялся из-за стола и, перейдя улицу, оказался рядом со своей «баркеттой», припаркованной в пяти метрах от «спайдера». Номер у «феррари» был туринский.

Пепе опустил за руль «баркетты», но заводить машину не стал, а принялся ждать, поглядывая на водителя «спайдера». Он был как на иголках: что делает машина стоимостью сто пятьдесят тысяч долларов с туринским номером в Террено?..

Через минуту водитель «спайдера» закончил говорить по телефону и вернулся к машине. Прежде чем садиться за руль, он снял очки и на секунду замешкался, засовывая их в карман рубашки. В то же мгновение Пепе почувствовал, как ледяные пальцы страха сдавливают его сердце, заставляя на миг замереть; на лбу его выступил пот. Он узнал этого человека – Бьянки Гаррота. Два года назад его застрелили, всадив половину револьверной обоймы в живот, и он умер на руках Пепе Сборцы, истекая кровью!..

\* \* \*

Публичная библиотека города Террено находилась в пяти кварталах от Пьяцца дель Фуоко. Здание, в котором располагалась библиотека, именовалось некогда Палаццо ди Алья и принадлежало одному из богатейших семейств Террено. Однако полвека назад, после смерти графа Фаббио Старзе ди Алья, его дворец перешел во владение города – такова была воля покойного графа. Муниципальные власти Террено решил разместить в нем библиотеку.

Бывший Палаццо ди Алья располагался на западной стороне Пьяцца дель Пополо. На противоположной стороне этой площади находилось здание пожарной команды. С одной стороны, подобное соседство было удобным – теперь бесценные фолианты Терренской библиотеки могли не опасаться пожаров; с другой, размещение библиотеки в Палаццо ди Алья было не совсем разумным решением – рев пожарных машин то и дело оглашал Пьяцца дель Пополо, нарушая академическую тишину залов Терренской библиотеки и отвлекая тех, кто пришел сюда заниматься.

Паола де Тарцини работала в публичной библиотеке Террено четвертый год. В свои двадцать шесть лет она была одинока.

Мать ее была француженкой, отец – итальянцем. От отца Паола унаследовала густые каштановые волосы, длинные ресницы и продолговатое лицо с большим ртом. От матери –

голубые глаза и чуть вздернутый нос. Ее нельзя было назвать чистокровной итальянкой, и все-таки по-своему она была привлекательна... В восемнадцать лет Паола уехала в Геную и поступила на филологический факультет местного университета. За время учебы у нее было несколько романов, ни один из которых не привел ни к чему серьезному. К концу обучения многие подруги Паолы повыходили замуж, но сама она оставалась одна. Было несколько предложений, которые Паола отклоняла.

*«Дурочка, – говорила ей ее лучшая подруга, – ты упускаешь свой шанс. Многие ждут его целую жизнь, а ты рубишь собственное счастье своими руками!...»* Счастье? Но если оно заключалось в том, чтобы в двадцать два года выйти замуж за пятидесятилетнего банкира и превратиться в домашнюю кошечку для выгула на светские рауты, то Паола не нуждалась в подобном счастье. В ее представлении оно состояло в другом – примером могли служить отношения ее собственных родителей.

Отец Паолы до сих пор дарил ее матери розы: на праздники, а иногда и по будням. Каждую субботу они ходили в небольшой кинотеатр, расположенный недалеко от их дома, и два раза в месяц – в ресторан «Л'Оро д'Италия». Отец Паолы работал страховым агентом и часто разъезжал по стране. Всякий раз, когда он уезжал из дома, Паола замечала, что мать ее словно тускнеет. А однажды она призналась дочери в том, что до сих пор влюблена в мужа, словно девчонка, и каждый раз, когда он возвращается из командировки, заходит домой с цветами в руках, ноги у нее слабеют и словно подкашиваются, а сердце готово выпрыгнуть из груди. И это после двадцати пяти лет супружеской жизни!

*Это было в понимании Паолы счастьем...*

После окончания университета она вернулась в Террено, намереваясь прожить здесь полгода, максимум – год. Но поступив на работу в публичную библиотеку, окунулась в ее архивы и словно увязла в болоте. Огромные материалы по языкознанию северных диалектов Италии ждали ее, пылясь на библиотечных полках. Собрав предварительные материалы, Паола съездила в Геную к знакомому профессору лингвистики, и он убедил ее заняться их систематизацией. Работа эта сулила ей степень магистра. Паола вернулась в Террено и принялась за работу...

Два года прошли незаметно – Паола работала с энергией и целеустремленностью, удивлявшими многих: приходила в библиотеку одной из первых, а уходила оттуда последней; часто она брала книги на дом. Однако чем дальше продвигалась ее работа по систематизации языковой структуры северных диалектов, тем больше увядала ее личная жизнь: изредка она встречалась со школьными подругами; пару раз с хорошенькой библиотекаршей пытались завести знакомство посетители библиотеки: первый оказался врачом, второй – адвокатом. Но ни один из них не вызвал у Паолы де Тарцини желания встретиться снова – Паола вежливо улыбалась и говорила: нет.

Мать Паолы, шутливо укорявшая дочь в том, что пора бы ей образумиться, найти себе достойного человека и выйти за него замуж, всерьез забеспокоилась, когда Паоле исполнилось двадцать пять. Похоже, дочь и не собиралась искать жениха. Несколько раз она пыталась завести разговор, но Паола, смеясь, отмахивалась и напоминала матери, что сама-то она вышла за отца в двадцать семь. Это другое, возражала мать. То было *calpo* – удар. Они с отцом были предназначены друг для друга. Увидев его в первый раз, она испытала *calpo* и поняла, что этот мужчина – ее судьба... Вот и я жду своего мужчину, смеялась дочь.

Но в последний год она стала часто просыпаться ночами и долго не могла уснуть, думая, а действительно ли суждено ей испытать удар, свой *calpo*, и встретить того единственного, который станет ее судьбой? В эти минуты накатывала такая тоска, что Паола готова была плакать в подушку. А на следующее утро она еще яростнее бралась за работу. Причина была проста – чем быстрее она закончит работу, думала Паола, тем быстрее отправится в Геную, получит сте-

пень магистра и порвет с Террено раз и навсегда, перебравшись в Турин. А в большом городе больше шансов встретить Его.

Впрочем, верила ли она сама в то, что когда-нибудь это произойдет?..

В эту пятницу, с самого утра, ее не покидало странное ощущение, что сегодня должно произойти нечто значительное – то, что может перевернуть ее жизнь. Чувство это было похоже на легкое волнение. Но что оно значило? Паола не знала... Она пришла на работу без пятнадцати девять. Вместе с напарницей, черноволосой девушкой по имени Лучия, они быстро расставили стулья в читальном зале, проверили мнемопроекторы, включили информационные компьютеры и отдернули шторы, висящие на высоких стрельчатых окнах. В девять часов утра публичная библиотека города Террено начала работу...

Положив перед собой книгу, Паола включила компьютер. Сегодня она собиралась перепечатать пару статей – сделать это лучше всего до обеда.

Сидя за стойкой выдачи книг, она быстро печатала, изредка поглядывая на посетителей. Пока их было трое. Двоих Паола знала – студенты местного технического института. Третий – мужчина с темными волосами, – похоже, в Терренской библиотеке впервые. Он сидел к ней спиной, склонившись над информационным компьютером, и просматривал библиотечную картотеку.

К десяти часам Паола почти закончила набирать первую статью. Она заканчивала вводить последний абзац, когда краем глаза заметила, что мужчина, сидевший у информационного компьютера, поднялся из-за стола и пошел в ее сторону. Он прошел через зал и остановился у стойки.

– Минутку, – сказала Паола и улыбнулась посетителю, не отнимая свой взгляд от экрана...

Наконец, последнее предложение было окончено.

Паола записала файл в память компьютера и начала поднимать глаза от экрана, но неожиданно поняла, что в этом зале происходит нечто, для нее не понятное: странное волнение, испытываемое ею с утра, внезапно усилилось, во рту пересохло, в горле вырос комок... Чем выше она поднимала свой взгляд, тем сильнее билось сердце. Когда взгляд Паолы скользнул по рукам стоящего перед ней человека, она вдруг подумала, что сейчас оно выпрыгнет из груди. Кровь отхлынула от лица и по телу прокатился озноб, но взгляд Паолы продолжал подниматься вверх с неотвратимостью солнца, восходящего над горизонтом...

Когда она взглянула, наконец, в лицо незнакомца, то почувствовала, как мир раскололся на части и куда-то поплыл; ноги ее ослабели, и если бы она не сидела на стуле, то упала бы на месте. А потом Паола заглянула в глаза незнакомца и... *утонула* в них. Они не могли принадлежать человеку. Это были глаза ангела. Или беса...

\* \* \*

Ядовито-желтый «феррари-спайдер» вывернул со стоянки у «Луого ди Риджи» и покатил на юг по Виа Мугетто. Через два квартала он свернул к Корсо Чентрале.

Голубая «баркетта» Пепе Сборцы ехала в тридцати метрах от «спайдера»; Пепе чувствовал, как дрожат его руки. Сунув в рот сигарету, он достал зажигалку, но прошло секунд двадцать, прежде чем ему удалось высечь огонь. Наконец, он закурил и, глубоко затянувшись, начал обдумывать ситуацию.

Человек, сидевший за рулем «спайдера», не мог быть Бьянки Гарротой. Бьянки умер два года назад. Были ли у него родственники? Братья, похожие на него как две капли воды? Пепе порывлся в памяти, но не смог припомнить, чтобы Бьянки упоминал когда-либо о том, что у него есть близнец. Может быть, просто двойник?

Было ли у Гарроты нечто, что могло отличить его от человека в «феррари»? Пепе нахмурился. Ядовито-желтая машина повернула на Корсо Чентрале и покатила к реке. В тот момент, когда его собственная машина поворачивала на Корсо Чентрале, он вдруг вспомнил, что отличало Бьянки Гарроту от большинства людей, и грязно выругался, когда «баркетта» вылетела на встречную полосу, едва не врезавшись в мчащийся по ней «шевроле».

Идиот! О, Боже, какой идиот!.. Бьянки Гаррота *хромал*! Левая нога у него была от рождения короче правой, и он прихрамывал. Четыре года назад, знакомясь с Гарротой, Пепе сразу же обратил внимание на его хромоту. Однако после года знакомства с ним он практически перестал обращать на нее внимание. Поэтому сейчас ему потребовалась минута, чтобы вспомнить о хромоте Гарроты.

Всё просто – он должен увидеть, как ходит водитель «феррари».

Пепе взглянул на часы – было без двадцати десять. Через двадцать минут он должен быть у Пальоли. «Спайдер» бежал по дороге, не сбавляя скорости.

«Что делать?» – подумал Пепе.

Он посмотрел на трубку радиотелефона, висящую над приемником, и неожиданно увидел самое простое решение: он позвонит Доминику через десять минут. Точно. Ведь не может же «спайдер» без конца ездить по городу? Он обязательно где-нибудь остановится, и вот тогда водитель «феррари» выйдет из машины...

«Спайдер» мчался по Корсо Чентрале, похожий на желтый снаряд. Они почти доехали до южной оконечности Террено, и внезапно у Пепе мелькнула мысль: а что, если «спайдер» сейчас выедет из города и покатит по автостраде к Милану? Будет ли он преследовать его?.. Пепе не успел обдумать возникшую мысль – «феррари» повернул в сторону порта и помчался вдоль реки. Сборца облегченно вздохнул.

Через минуту «спайдер» перестроился на правую полосу и вскоре припарковался у небольшого ресторанчика. Пепе проехал чуть дальше, остановился у обочины и, развернувшись на сиденье, принялся наблюдать за «феррари».

Через секунду дверь «спайдера» распахнулась, и его водитель выбрался на дорогу. Какое-то время оставался на месте, а потом сделал шаг к ресторану.

И снова Пепе почувствовал, как шершавый комок ужаса подкатывает к горлу, – владелец «феррари» *хромал*!..

*...Два года назад в Террено появились «заезжие». В тот вечер Пепе Сборца ужинал вместе с матерью и братишкой в своей квартире. В середине ужина зазвонил телефон. Пепе взял трубку и услышал голос Доминика Пальоли, который приказал ему немедленно выехать к ресторану Валенти. Пепе чертыхнулся, но приказ есть приказ, и через десять минут он был в ресторане Валенти.*

*За одним из столов сидели Доминик Пальоли и Бьянки Гаррота. Дик быстро обрисовал сложившуюся ситуацию: за три часа парочка неизвестных обчистила три магазина и ресторан на Золотом Бульваре. Брала деньгами. Владельцы магазинов грабителей не знали. Действовали ребята внаглую, выгребая из касс всю наличность. По всему выходило, что они не местные... Полиция выезжала на места преступлений, но что она могла сделать? Владельцы магазинов обратились за помощью к синьору Франческо. Франческо Борзо приказал своим сароаііті собрать всех людей, бывших у них в наличии, и расставить их в тех местах, где могли появиться грабители. Досадней всего, добавил Дик, что у них нет примет этих парней. Известно лишь, что один из двоих – блондин.*

*Доминик приказал ему и Гарроте сидеть в ресторане Валенти и смотреть в оба. Ресторан Валенти один из самых дорогих на Золотом Бульваре, так что мало ли что...*

*Пепе и Бьянки просидели за столиком больше часа, но за это время ничего не произошло. Ближе к девяти Пепе поднялся из-за стола и пошел звонить Доминику. Сообщив, что*

в ресторане Валенти всё тихо, он вернулся назад. В этот-то момент он и увидел, как в зал входят двое; волосы у одного из них были светлыми.

Дальнейшее напоминало кино.

Светловолосый выхватил из-под полы пиджака «узи» и дал короткую очередь в потолок – музыка моментально оборвалась, в зале закричали.

Черноволосый бросился к бару, наставив пистолет на замершего от страха кассира, и принялся орать, чтобы тот выгребал деньги из кассы. Кассир трясущимися руками начал вытаскивать пачки лир, которые черноволосый сразу же кидал в сумку.

Пепе увидел, как Бъянки достал пистолет и замер за столиком, сунул руку в карман своих собственных штанов и обхватил рукоятку «беретты»...

Стрелять в ресторане Валенти они не собирались. Но через четверть минуты, когда грабители кинулись к выходу, таща за собой сумку с деньгами, Пепе и Бъянки выскользнули из-за стола. Выскочив на улицу, парочка бросилась в переулок, расположенный в десяти метрах от выхода из ресторана, – наверняка, там их ждала машина.

Через секунду Пепе и Бъянки тоже выскочили из ресторана. Оказавшись на крыльце, Бъянки быстро огляделся по сторонам, поднял пистолет и, прицелившись, выстрелил. Черноволосый, тащивший сумку с деньгами, крутанулся на месте и упал, ухватившись руками за шею. Его напарник, развернувшись, полоснул очередью в сторону Пепе и Бъянки. Посыпалось стекло ресторанной двери. Светловолосый кинулся было к сумке, но Пепе и Бъянки начали стрелять, и тот бросился в переулок...

Через минуту Гаррота, опередивший Пепе, выскочил в переулок и закричал: «Стой, урод!». Подскочивший Пепе увидел картину: в переулке были припаркованы три машины; светловолосый с автоматом в руке застыл в пол-оборота к Гарроте; рядом с раскрытой дверцей светло-зеленого «понтиака» стояла девушка лет восемнадцати – в правой руке она держала ключи от машины, левой зажимала рот, глаза ее были распахнуты от ужаса.

– Брось оружие! – крикнул Бъянки.

«Узи», выскользнув из руки светловолосого, упал на асфальт.

– Руки на капот! Раздвинь ноги! – держа пистолет обеими руками, Гаррота приблизился к светловолосому. Приставив дуло пистолета к его затылку, он быстро обыскал его, но больше оружия не нашел.

– О, Боже! – всхлинула девушка, стоявшая у «понтиака».

– Заткнись! – прошипел в ее сторону Бъянки и бросил Пепе. – Что будем делать с этим? Кончим его здесь или отвезем к Дику?

Пепе напрягся. Тащить его через весь город, рискуя нарваться на полицию? Лучшие уж здесь.

– Господи, он хотел забрать мою машину!.. – причитала девушка. – Вы не убьете меня? В ее голосе послышались вдруг истеричные нотки.

– Да заткнись ты! – прохрипел Гаррота.

– Послушайте, я ничего не скажу! – взвизгнула девушка и сделала шаг в сторону Бъянки.

В этот момент светловолосый дернулся, и Бъянки ударил его коленом в пах. Тот захрипел и, хватая широко открытым ртом воздух, начал оседать на асфальт.

– Пожалуйста, не убивайте меня! – продолжала девушка, приближаясь к Гарроте. – Я ничего не скажу полиции!

Пепе чувствовал, что сейчас сорвется. Дьявол, нужно кончать с этим типом и двигаться отсюда, пока не приехали копы!

И в этот момент он услышал хлопки. Четыре раза выстрелил пистолет. Пепе увидел, как рубашка на спине Гарроты дернулась пару раз и опала. В ней появились две дырки.

Когда Бъянки упал на асфальт, Пепе увидел в руке девушки револьвер. Лицо ее непостижимым образом изменилось – стало холодным, ледяные глаза в упор смотрели на Сборцу.



*Пепе медленно опустил руку вниз и бросил пистолет на дорогу. Потом он протянул руки ладонями вперед. «Боже, эта сучка сейчас выстрелит!» – промелькнуло в его голове. Но та не стала стрелять. Подхватив светловолосого, она потянула его к «понтиаку». Когда оба уселись в машину, взревел двигатель и светло-зеленый автомобиль умчался на залитый огнями бульвар.*

*Когда Пепе склонился над Бъянки, тот был еще жив. Он судорожно всхрипывал, с удивлением глядя на Сборцу, как будто не верил, что это случилось с ним. Кровь текла из-под его ладоней. Пепе знал, что это конец – живот Гарроты напоминал решето.*

*– Эта сука выстрелила в меня! – изумленно прохрипел Бъянки. С ужасом добавил: – Боже, я не чувствую ног!..*

*Когда послышались завывания полицейской сирены, Гаррота был уже мертв. Пепе подобрал пистолет и бросился по переулку в сторону Пъяцца дель Фуоко. Через три минуты он позвонил Пальоли и сообщил о случившемся.*

*Люди Армандо Эрбы перехватили светло-зеленый «понтиак» на выезде из Террено. Машину изрешетили пулями. Пепе видел тела светловолосого и той сучки, что хладнокровно застрелила Гарроту, перед тем, как их закопали в одном из оврагов на склоне Кальва-Монтанья – зарыли, как поганных собак.*

*Через двое суток Бъянки похоронили на Чимитеро ди Джовани. Пепе Сборца стоял у могилы и видел, как гроб с телом Бъянки опустили в землю и комья глины полетели на его крышку. Бъянки Гаррота ушел в мир теней...*

*...И вот теперь водитель желтого «феррари», прихрамывая, шел к ресторану!*

*Пепе чувствовал, как тошнотворная пустота, словно червь, разъедает его изнутри. Ладони у него взмокли, покрывшись противной испариной.*

*Сняв дрожащей рукой трубку телефона, он набрал номер Пальоли. Секунд пять слушал частые гудки – занято. Подождал немного и набрал снова. Результат – тот же.*

*В этот момент из ресторана прихрамывающей походкой вышел водитель «спайдера». Рядом с ним шел высокий парень с длинными волосами. На его футболке чернела надпись «Юви – чемпион». Парочка подошла к «феррари». Волосатый запрыгнул в автомобиль через дверцу; двойник Гарроты обошел машину и примостился за руль. Через мгновение взревел двигатель, и «спайдер» отъехал от ресторана.*

*– Каналья! – процедил Пепе, бросая трубку и берясь за ключ зажигания.*

*Он подождал, пока «феррари» отъедет метров на сорок от ресторана, и отправился следом...*

*Они быстро проехали три квартала. Вскоре с правой стороны мелькнули и уплыли назад высокие погрузочные краны и бетонная набережная порта. Дорога стремительно пустела – на ней оставалось всё меньше машин.*

*Пепе забеспокоился: теперь ехавшие в «феррари» могли заметить висевшую у них на хвосте «баркетту». Он отпустил «спайдер» метров на шестьдесят.*

*Но куда они едут? Эта дорога идет вдоль виноградных плантаций к Морте-Коллине – Мертвым Холмам – и там обрывается у реки. Правда, километра через полтора она проходит мимо заброшенного монастыря, но там никто не живет...*

*Через пару минут «спайдер» выехал из Террено и помчался к Морте-Коллине.*

*Пепе остановился на обочине и задумался: что делать дальше? Преследовать «спайдер» опасно – на пустынной дороге его сразу заметят. Оставить «феррари» в покое? Но теперь ни за какие сокровища в мире Пепе не согласился бы уйти с полдороги – он должен узнать, что за двойник Бъянки Гарроты разгуливает по Террено.*

Пепе снова взялся за телефон. Номер Дика по-прежнему не отвечал. Тогда он набрал номер «диспетчерской». Три раза прозвучали гудки. Наконец, голос автоответчика предложил ему говорить.

Секунду Пепе колебался. Боже, может, он сходит с ума? Бьянки Гаррота умер два года назад, и душа его отошла к праотцам...

– Сообщение для номера первого, – начал он хриплым голосом.

«Номер первый» – Доминик Пальоли. Оператор «диспетчерской» это знает и передаст его сообщение адресату. Вопрос только: когда?

– Это Пепе... Слушай, у меня, наверное, поехала крыша, но я видел Бьянки Гарроту. – Пепе выдохнул. – Черт... не то! Конечно, не Бьянки. Но этот тип чертовски похож на него и прихрамывает, как и он. Этот тип в желтом «феррари-спайдере», номер... – Он продиктовал цифры номера. – Господи, я не знаю, почему звоню, но этот тип так похож на Гарроту... Слушай, вышли пару человек к заброшенному монастырю. Там в «феррари» с ним еще один тип с длинными волосами. Не хотелось бы, чтобы, если со мной случится что-то поганое...

Он вдруг замолчал.

Черт, ну почему он сказал, что с ним может случиться что-то плохое? Пепе сглотнул.

– Ладно... Просто имейте эту парочку в виду!

Он выключил телефон.

В этот момент мимо него по направлению к Морте-Коллине проехали три машины – одна за другой. Не долго думая, Пепе вырулил с обочины и поехал за ними. Желтая точка «спайдера» виднелась сейчас метрах в трехстах от него...

«Баркетта» проехала первые сто метров, и вдруг – совершенно внезапно – Пепе почувствовал наползающую тревогу. Страх поднимался откуда-то из глубины подсознания и нащепывал ему: остановись, поверни машину назад, и пусть с этим делом разбираются другие!

Ноги у Пепе похолодели, но он лишь упрямо сжал губы и утопил педаль газа, обходя одну из машин... Господи, неужели он трусил?

*Струсил?!*

Мысль эта сработала, как таблетка амфитамина. Пепе с шумом втянул в рот слюну и сплюнул в окно. Его нога прижала акселератор – «баркетта» обошла вторую машину. Пепе открыл бардачок и вытащил из него «беретту». Поблескивающее металлом оружие легло на сиденье. Пришло время узнать, что за урод с лицом и телом Бьянки Гарроты разгуливает по Террено, мрачно подумал Пепе.

Вдали показался заброшенный монастырь.

Вскоре у «феррари» вспыхнули красные огни стоп-сигналов – «спайдер» начал сбрасывать скорость. Через короткое время он плавно съехал с шоссе и по грунтовке пополз к ржавым воротам монастыря...

\* \* \*

Несколько секунд Паоле де Тарцини потребовалось для того, чтобы взять себя в руки. Сердце ее по-прежнему билось как бешеное, а ноги были предательски слабыми, но теперь она могла говорить.

– Доброе утро, – голос у мужчины, стоявшего перед стойкой, был низким, с едва заметным акцентом.

«Он иностранец,» – мелькнуло в сознании Паолы. Мужчина протянул ей заявку.

– Я бы хотел взглянуть вот на эти книги... У вас хорошая библиотека, – он улыбнулся.

Паола ухватила за протянутый ей лист, как за спасительную соломинку. Она молча кивнула, сделав вид, что изучает заявку. На самом же деле она воспользовалась этой паузой, чтобы прийти в себя окончательно...

Итак, теперь она *знала*, что такое удар. Она испытала его. И теперь она лучше понимала слова своей матери, столько раз говорившей о том, что она чувствовала, когда впервые встретила отца. Это было похоже на удар молнии. Только удар этот «нанес» ей с виду обычный человек.

Только обычный ли?

Паола бросила взгляд на стоящего перед ней человека и тут же опустила его, почувствовав, как сердце скакнуло в груди и новая волна слабости прошла по ногам. Внешность у него была колоритной. Первое, что подумала Паола, – он был массивен. Именно так: не толст или грузен, – *массивен*. В нем чувствовалась сила. Всё остальное было, пожалуй, обычно: коротко стриженные волосы, прямой и короткий нос, плотно сжатые губы средних размеров рта и серые глаза, глядящие на нее с пронизательной прямоотой. Но вот впечатление массивности не проходило. Оно исходило даже не от лица, а от самой фигуры. Невидимые волны спокойствия и внутренней силы, испускаемые им, – вот что так поразило ее в первые секунды. Если бы он позволил ей быть рядом с ним, подумала вдруг она, это было бы тем, чего она так ждала все эти годы...

Паола вздрогнула. Потом постаралась сосредоточиться на тексте заявки. Буквы разбежались перед глазами, и ей потребовалось время, чтобы собрать их все вместе... Наконец, они начали собираться в слова, и Паола вздрогнула во второй раз – до нее вдруг дошел смысл заявки. На листке были выписаны названия четырех книг. Все они были объединены одной темой. Догадаться какой, не составляло труда – здесь были «Дьявол в XIX столетии» француза Батайля, «Трактат о явлениях духов» аббата Кальмэ, знаменитая «Демонология» Бодена, «О злобе сатаны и злых духов» аббата Крепэ. В другой ситуации в подобной заявке не было бы ничего необычного – многие интересуются явлениями загробного мира. Но сейчас она приобрела особенный смысл, потому что подателем ее был этот человек.

Кто он?..

– Вы впервые у нас? – Паола постаралась, чтобы голос ее прозвучал без эмоций.

– Впервые, – ответил мужчина.

– Тогда мы должны внести вас в регистрационный журнал.

– Думаю, в этом нет лишней необходимости. Я член Теологического общества итало-французских университетов... Вот, пожалуйста, – мужчина протянул ей маленькую карточку.

Паола взяла ее. «Андрей Белов. Почетный член Теологического общества итало-французских университетов,» – слова были выписаны изящными буквами, похожими на готическую вязь. Карточка давала ее обладателю право свободного пользования всеми публичными библиотеками Италии. Может быть, он священник?

– Вы русский? – спросила Паола.

Она взглянула в лицо мужчины и на этот раз не отвела напряженного взгляда, хотя внутри нее всё заклокотало.

– По происхождению. Хотя, уже и не помню, сколько лет не был дома!

Он улыбнулся. Улыбка у него была теплой, не похожей на приторно-слащавые улыбки, которые она привыкла видеть на лицах посетителей. От нее исходили уверенность и спокойствие.

– Могу я взглянуть на книги? – мягко напомнил он.

– Ах да... – Паола запнулась. – Подождите минутку. Я схожу за ними.

Мужчина кивнул.

Паола поднялась и на дрожащих ногах направилась в сторону книгохранилища...

Книги она нашла быстро – все они находились на одном стеллаже – и вернулась в зал.

– Ну, вот, – сказала она, останавливаясь у стойки. – Все книги, которые вы заказывали; хотя одна на латыни.

Паола указала на «Трактат» аббата Кальмэ – толстенную книгу в синей обложке.

– Ничего страшного.

Мужчина уверенно развернул книгу, пролистал страницы и кивнул:

– Классическая латынь. Написано грамотно.

Паола выписала формуляр и протянула книги мужчине. В тот момент, когда они оказались в его руках, она вдруг спросила:

– Извините, а кто вы?.. Священник?

Вопрос, вертевшийся у нее на языке последнюю пару минут, вырвался сам собой, и в следующую секунду она пожалела, что задала его, – это было так глупо.

Но мужчина не удивился – казалось, что он был готов к нему, потому что ответил:

– Нет, я никогда не надевал сутану священника, хотя к церкви имею некоторое отношение... Я демонолог.

Он снова улыбнулся ей своей успокаивающей улыбкой и пошел по проходу.

Паола де Тарцини опустилась на стул перед светящимся монитором, но словно забыла о нем. Теперь ей было не до языковых структур северных диалектов. Она думала о человеке (*Андрей Белов... Демонолог...*), сидящем в пяти метрах от нее за одним из столов, о его удивительной улыбке и поразительной силе, исходящей от всей его мощной фигуры. Она всё еще чувствовала, как по телу пробегают волны приятного озноба, а глаза ее то и дело поднимались вверх – взглянуть через стойку на человека с короткими волосами.

До обеда Паола де Тарцини не набрала на компьютере больше ни строчки...

\* \* \*

Голубая «баркетта» свернула с шоссе, уходящего к Морте-Коллине; вскоре под ее колесами заскрипел гравий. Машина проехала двадцать метров и остановилась в зарослях росших у дороги ив. Пеппе Сборца заглушил двигатель.

Несколько секунд он сидел неподвижно, прислушиваясь к мерному рокоту двигателя «феррари», звучащему далеко впереди – у самых ворот монастыря. Затем взял пистолет, лежавший на соседнем сиденье, вытащил из него обойму, проверил патроны, загнал обойму на прежнее место и сунул «беретту» за пояс. Наконец, он открыл дверь и выбрался из машины.

Сегодня было тепло. Легкий ветер дул со стороны города, принося с собой запах реки, смешанный с ароматом цветущих каштанов; из порта долетал звук работавшей паровой сирены; шоссе, ведущее из Террено к Морте-Коллине, было пустым.

И снова Пеппе ощутил непонятную тревогу – что-то шевельнулось в нем, шепнув, что не стоит ему ходить в монастырь. Странная тоска охватила его.

С минуту он растерянно стоял у машины. Вспомнились слова, сказанные им по телефону: *«Не хотелось бы, чтобы, если со мной случится что-то поганое...»* Почему он сказал это Дику? На секунду перед глазами Пеппе возникло лицо его матери; он сглотнул и... почти обреченно побрел в направлении монастыря...

Грунтовую дорогу с обеих сторон обступали заросли ив. Пеппе шел за зеленой стеной в полный рост – ему не нужно было скрываться, так как заметить со стороны монастыря его не могли.

Через две минуты он оказался в тридцати метрах от порывшей от дождей и времени кирпичной стены. В детстве Пеппе бывал здесь частенько и знал монастырь как свои пять пальцев – его составляли шесть зданий, обнесенных высокой стеной. Когда-то она была непреступна, но сейчас в ней зияло множество дыр, и попасть на территорию монастыря не составляло труда...

Заросли ив подступали к самой стене. Вскоре Пеппе сидел у двухметровой дыры, черневшей в полтора метра над землей, и прислушивался к звукам, раздававшимся от ворот. До

него доносились шорох листвы, скрип стволов, раскачивающихся под порывами ветра... Человеческих голосов слышно не было.

Выждав пару секунд, Пепе выбрался из кустов и шагнул к стене.

В тот момент, когда рука его легла на край дыры, острая тоска пронзила всё его существо, и от неожиданности Пепе Сборца присел. Не стоит ему лезть в эту дыру – ничего хорошего его там не ждет, шепнуло сознание... Но сможет ли он потом уважать себя, если сейчас повернется и уйдет, испугавшись какого-то длинноволосого типа и человека с лицом Бьянки Гарроты?

Играя желваками, Пепе полез в дыру...

Через три секунды он был уже за стеной, на территории монастыря. Выглянув из-за угла двухэтажного строения, увидел «феррари» – машина стояла в центре двора, людей рядом с ней не было.

Двинувшись вдоль стены, Пепе подобрался к массивному четырехэтажному строению, стены которого были сложены из грубого камня. В стене дома, похожие на пустые глазницы, чернели провалы окон. Пепе скользнул к одному из них и заглянул внутрь. Где-то далеко, в глубине здания, раздавались голоса людей. Подтянувшись, Пепе нырнул в окно.

Когда-то давно здесь была келья монаха. Сейчас в тесной комнатке с высокими потолками пахло плесенью и старой мочой. На противоположной от окна стене комнаты был нарисован череп, а под ним надпись: «Вассах Гул». Что это значило, Пепе не знал. В одном из углов комнаты валялась пара пустых бутылок; пол у окна был усыпан битым стеклом.

Вытащив пистолет, Пепе снял его с предохранителя, осторожно выглянул в коридор и прислушался. Голоса людей неслись из дальнего конца коридора. Пепе знал, что там находится главный зал монастыря. Говорили двое – голоса были низкими. Иногда они взрывались в приступе хохота.

Похоже, они не знали, что он следил за ними, подумал Пепе. Или не придали этому большого значения. Во всяком случае, они разговаривали как люди, которым нечего опасаться, – наверное, они чувствуют себя здесь как дома. Что ж, ему это только на руку.

Пепе выскользнул из комнаты и медленно пошел в сторону зала. Он и не заметил, как в тот же миг в другом конце коридора возникла угловатая тень и поплыла вслед за ним, прячась в пустых нишах келий...

Пепе прошел по коридору и остановился у проема, ведущего в зал, – голоса людей звучали здесь по-особенному четко. Несколько мгновений раздумывал, потом осторожно заглянул в черноту проема.

Посреди гигантского зала сидели двое: двойник Бьянки Гарроты и длинноволосый тип – длинноволосый что-то рассказывал. Временами они смеялись, и их хриплый хохот гулко разносился под сводами зала. Оба сидели на стульях, облокотившись о стол, похожий на ученическую парту.

На мгновение у Пепе мелькнула дурацкая мысль, что эти типы похожи на учеников, решивших поболтать на перемене между уроками. Длинноволосый говорил с увлечением, и конца его рассказу, похоже, не предвиделось...

Но вот совершенно неожиданно тот замолчал.

Два человека, сидевшие за столом, как по команде повернули головы в сторону Пепе и впились глазами в темноту прохода.

Пепе почувствовал, как покрывается потом. «Неужели заметили?» – мелькнуло у него в голове...

Несколько секунд длинноволосый и «Бьянки Гаррота» смотрели в проход, черным туннелем уходящий в глубину здания, затем медленно повернулись друг к другу. Длинноволосый продолжил рассказ.

Пепе медленно выдохнул, словно только что с его шеи сняли удавку. Он чувствовал, как бешено стучит его сердце, и понимал, что давно уже пора опорожнить мочевой пузырь.

И вдруг он услышал шорох!

Сердце Пепе подпрыгнуло и остановилось.

Медленно обернувшись, он увидел девушку. Она стояла напротив него, прислонившись спиной к стене. Руки ее были сложены на груди. Почти подросток, машинально отметил Пепе, – лет восемнадцать, не больше. Грязные, слипшиеся волосы, висящие вдоль худого лица, такого же бледного, как брюхо дохлой рыбы. Мертвые глаза, глядящие на него без всякого выражения.

Пепе сглотнул.

Челюсти девушки шевелились, занятые жвачкой. Одета она была в серую кофту и черные брюки.

Внезапно ее правая рука соскользнула с груди. На тыльной стороне кисти Пепе заметил татуировку – целующаяся парочка. Рука легла на низ живота. Указательный палец девушки нырнул между ног. Потом она сделала недвусмысленное движение бедрами и ухмыльнулась.

От ее ухмылки повеяло тоскливой безысходностью. Пепе почувствовал, как ледяной ужас скользкой змеей оплетает его тело, лишая возможности пошевелиться.

Тем временем рука девушки вернулась на прежнее место. На губах ее вырос пузырь, лопнувший с громким звуком. Послышался тихий смех, похожий на звон ледяного колокольчика.

– Упс! – сказала девушка.

Пепе похолодел.

– Послушай, приятель... Может, ты вылезешь из своей норы, и мы поговорим? – раздалось вдруг из зала.

Под сводами монастыря прогремел дружный хохот.

Девушка шагнула к Пепе и, схватив его за ворот рубахи, швырнула в зал. Толчок ее оказался невероятно сильным: Пепе пролетел через весь проход и остановился у самого стола, едва не упав. Девушка прошла вслед за ним и остановилась у прохода, прислонившись к стене с тем же безучастным выражением на лице, что и прежде. Челюсти ее двигались, занятые жвачкой.

– Ну, здравствуй, приятель! – сказал длинноволосый, оглядывая Пепе; голос его прозвучал неправдоподобно слащаво. – Зачем ты за нами следил?

Под его пристальным взглядом тело Пепе начало вдруг цепенеть. Огромная тяжесть навалилась на затылок. Пепе почувствовал, как окружающий мир разваливается на куски – на миллионы крошечных осколков – и оседает ветхой пылью на стены старого зала... Всё пошло не так, отрешенно подумал он, этого разговора не должно было быть. Кто эта девка с лицом дохлой рыбы и мышцами Геракла? Почему этот тип с черными волосами разговаривает с ним, как с пятилетним ребенком?

– Зачем ты за нами следил? – повторил длинноволосый и на мгновение оторвался от Сборцы – взглянуть на «Гарроту».

Внезапно мир приобрел прежнюю ясность, и Пепе словно вспомнил о пистолете. «Беретта» взлетела в сторону стола. Однако длинноволосый, увидев оружие, лишь рассмеялся:

– Смотри-ка, у него пистолет!.. Наверное, он даже заряжен? – Он подмигнул ошеломленному Пепе. И вдруг его голос стал грубым, похожим на рык: – *Пепе Сборца, я не люблю оружие!*

Словно каменная рука коснулась затылка Пепе, и всё поплыло перед глазами. Откуда длинноволосый знает его имя?

Двойник Бьянки Гарроты весело ухмыльнулся.

От этих двоих исходила физически ощутимая угроза. Она давила на волю, превращая его в маленького ребенка. Оружие в твоей руке – лишь бесполезная игрушка, – нашептывал ласковый голос на ухо Пепе.

– Пепе Сборца, – укоризненно произнес длинноволосый, – если бы ты поехал к Доминику Пальоли, всё было бы по-другому. Ты бы спокойно провел этот день, а вечером встретился с Тиной. Теперь же ты с ней не встретишься.

Он ухмыльнулся.

– *Тина Пепе долго ждёт, только Пепе не придёт...* – тихо прошептал «Бьянки Гаррота».  
– *...потому что он умрёт!* – закончил за него длинноволосый.

Ужас пригвоздил Пепе к месту. Внезапно он понял: эти двое читают его мысли! Боже, но кто они?

Ноги Пепе понесли его к выходу. Пистолет по-прежнему смотрел в грудь типа, сидящего за столом.

– Сиди... как сидишь... – прохрипел Пепе, с трудом выдавливая слова пересохшим ртом. Горло его превратилось в проржавевшую трубу, а слова – в камни, с грохотом прыгающие по этой трубе.

– Но куда же ты? – хмыкнул длинноволосый. – Мы же еще не поцеловались, приятель!

Он встал со стула и сделал шаг в сторону Сборцы.

И тут Пепе понял, что сейчас он действительно умрет, если промедлит хотя бы секунду. Он нажал на курок. Пистолет в его руке прыгнул, грохот выстрела раскатился под сводами зала.

Длинноволосый вздрогнул, словно наткнулся на невидимую стену, и опустил голову вниз. Посреди слова «Юви» чернела дыра. Он снова поднял взгляд на Пепе, и вдруг в его глазах вспыхнула *ярость*. Всепоглощающая, заставляющая Пепе почувствовать, как помимо воли опорожняется его мочевого пузырь!

– Я же сказал, что не люблю оружие! – тихо повторил длинноволосый.

Изо рта его выскочил длинный язык и облизнул губы. Послышался звук, похожий на трение наждачной бумаги о кирпич. Длинноволосый сделал еще один шаг в сторону Сборцы.

И тут Пепе понял, что это не люди!

Он завопил и принялся давить на курок пистолета, посылая свинцовый поток в тело идущего к нему существа. Он видел, как прыгает футболка на груди длинноволосого, как корчится его тело при каждом выстреле. Кусочки ткани и комочки серого воскообразного вещества вылетали из его спины, но длинноволосый всё шел – не останавливаясь, ухмыляясь и глядя в глаза Пепе Сборцы...

Наконец, патроны в «беретте» закончились.

Пепе всхлипнул и, опустив руку вниз, сделал последнюю попытку в отчаянном желании жить:

– Бьянки, ведь мы были знакомы с тобой два года! Это же я, Пепе Сборца!

Двойник Бьянки Гарроты холодно произнес:

– Твой друг умер два года назад. Ты сам стоял у его могилы... Или ты думаешь, что покойники могут оживать?

Секунду его лицо было похоже на резиновую маску манекена, и вдруг... он *захохотал*.

Длинноволосый, стоявший в метре от Пепе, растянул свои серые губы в стороны и принялся хохотать вместе с «Бьянки».

Глядя на изрешеченное пулями тело длинноволосого, Пепе понял, что сходит с ума, и вдруг ощутил, как отрывается от земли, – на его шее сомкнулись сильные пальцы. В последнем стремлении жить Пепе рванул эти пальцы, сдавливающие его горло, и обернулся назад. Пустые глаза девушки-подростка взглянули на него равнодушно и холодно. Пальцы сжались еще сильнее – ноги дернулись пару раз, наконец, Пепе Сборца затих...

Когда девушка опустила безжизненное тело Пепе на землю, длинноволосый равнодушно посмотрел на него и вернулся к столу.

Некоторое время он разглядывал собственную грудь, усеянную пулевыми отверстиями: сухая плоть, похожая на воск, не кровоточила; края отверстий мелко подрагивали... Наконец, длинноволосый вздохнул:

– Его машина в кустах у дороги. От нее надо избавиться.

«Бьянки» кивнул.

– Он успел позвонить своему боссу, вечером его начнут искать, – продолжил длинноволосый, – к тому же, он сообщил номер «фerrари», а это плохо. Жалко терять такую хорошую машину.

– А что делать с ним? – спросил «Бьянки», кивая на Пепе.

– Забавно, – пробормотал длинноволосый, не ответив на заданный вопрос, и сунул палец в одно из сквозных отверстий.

– Затянется? – спросил он «Гарроту».

– Да... Но что делать с ним?

Длинноволосый равнодушно посмотрел на мертвое лицо Пепе Сборцы – высунувшийся язык, выпученные, словно от удивления, глаза.

– Из него получится неплохой боец, – наконец, сказал он. – Позвони Франко, скажи, что вечером подвезем «клиента».

«Бьянки» хмыкнул.

– Убери его, – приказал девушке длинноволосый.

Когда та потащила труп в черноту прохода, он сказал:

– Вассах Гул!

– Вассах Гул! – ответил ему «Бьянки Гаррота»...



## Глава вторая

Джей Адамс проснулась с ощущением того, что во время сна ее вывернули наизнанку: голова раскалывалась и при каждом движении звенела, как надтреснутый колокол; по телу пробежал противный озноб; во рту было кисло.

Десять минут она провела в туалете. Тело просило воды, но не было времени, – позднее, когда Тревор уйдет на работу, она примет душ. Не сейчас...

Зевая, Джей поплелась на кухню.

Включив чайник в сеть, она приготовила тосты и сунула их в микроволновку. Руки дрожали. Взглянув в зеркало кухонного шкафа, она поморщилась: ну, и видок у нее! Впрочем, стоит ли удивляться? После вчерашней вечеринки у Пинсонов, где она заглатывала джиновые коктейли, как воду, этого следовало ожидать.

Из ванной раздался шум льющейся воды – Тревор включил душ.

Джей порылась в шкафу и нашла пачку таблеток. Две штуки бросила в рот, запила их водой и почувствовала, как быстрорастворимый аспирин попадает в желудок. Теперь он начнет работать...

Щелкнула микроволновка.

Джей вытащила тосты и положила их на тарелку. Затем выключила чайник. Достав банку «Пеле Инстэнт» (Тревор пил только растворимый кофе), приготовила ему чашку и опустилась на табурет, чувствуя, как волны озноба гуляют по телу. Это расплата за любовь к алкоголю, говаривала ее мать. Не пей слишком много, Джей, иначе потом тело сыграет с тобой злую шутку, вот увидишь.

Она видела. Точнее, чувствовала. За последние годы она чувствовала это много раз. «Пожалуй, что *слишком* много!» – мелькнуло вдруг у нее в голове.

Да нет, поморщилась Джей, с ней всё в порядке – всё в *полном* порядке...

Шум льющейся воды прекратился. Через минуту в кухне появился Тревор.

Муж у нее высокий, настоящий атлет, подумала Джей, разглядывая тело Тревора. Сейчас на нем были только короткие тренировочные шорты, и она могла видеть мышцы, перекачивающиеся под кожей, буграми облепляющие его руки и торс. У Тревора была последняя модель «Тоутэл Джима<sup>3</sup>», и он занимался на нем не меньше пяти раз в неделю.

– Ты как, нормально? – муж уселся за стол и, одним залпом выпив полчашки кофе, принялся за еду.

– Более-менее, – сморщилась Джей. – А ты?

– Сто процентов.

«Ну, да, – про себя Джей сквасила мину. – Знаешь свою норму – три коктейля за вечер и ни граммом больше!»

– А вот ты вчера немного перебрала. Не находишь?

– Нет. Всё было в норме.

– А мне кажется, ты все-таки перебрала. Сначала эти коктейли, потом целая бутылка текилы, которую вы с Софией прикончили в полчаса...

– Слушай, не заводись, Трев! – Джей сжала виски. – У меня и так голова раскалывается!

Тревор бросил взгляд на жену.

– Ну, ладно...

Некоторое время он ел молча.

– Слетаем на выходные в Париж? – предложил он вдруг, доедая второй тост. – Повидаемся с Милани?

---

<sup>3</sup> Популярный домашний тренажер для занятий атлетизмом.

Джей рассеянно двинула плечами.

– Давай, если хочешь.

– У тебя не было планов на выходные?

– Нет.

– Точно?

– Да.

– Тогда я беру два билета? Заскочу после обеда в аэропорт и возьму на субботний рейс.

Идет? – он вопросительно смотрел на жену.

– Да. Отлично!

Тревор доел последний тост. Допив кофе, взглянул на часы и пошел одеваться. Джей убрала со стола и отправилась следом за ним...

Когда она вошла в спальню, муж завязывал галстук.

– Трев, ты до обеда не освободишься? – спросила Джей, разглядывая его со спины.

– А что? Я тебе нужен?

– У меня машина сломалась – я тебе вчера говорила. А мне нужно к Тифани в одиннадцать. Ты меня не подбросишь?

– К одиннадцати? – Тревор закончил возиться с узлом и взялся за пиджак. – Не знаю, Джей. Точно, не знаю... Я позвоню тебе в десять. Если получится, приеду; если нет, вызовешь такси. Хорошо?

Лицо у Джей сморщилось:

– Не люблю я такси.

– Ну, что делать, крошка? – Тревор придирчиво оглядел себя в зеркале. – Если я не смогу приехать, придется воспользоваться такси!

Он протиснулся мимо нее в коридор...

Стоя в прихожей, Джей смотрела, как муж надевает ботинки. Когда он закончил, она поправила ему сбившийся галстук:

– Не забудь позвонить.

– Обязательно. Ровно в десять, крошка!

Он поцеловал ее, хлопнув по ягодице.

– Увидимся!

Джей проследила, как Тревор отправился по дорожке от дома к стоящему у обочины «опелю». Вскоре он уселся за руль и махнул ей рукой. Через пару секунд серебристый «опель» Тревора Адамса заурчал двигателем и отъехал от дома.

Закрыв дверь, Джей вернулась на кухню.

Некоторое время она раздумывала над тем, что сделать сначала: выпить горячего кофе или залезть под душ? Решив, что кофе может и подождать, Джей направилась в ванную.

Сняв тапочки, она ступила на пол. Мраморная плитка была неприятно холодной. Джей поежилась. Потом отдернула пластиковую занавеску, на которой поблескивали капли воды, и принялась крутить кран. Вода хлынула вниз. Джей отрегулировала температуру.

Аспирин начал действовать – теперь ее голова не раскалывалась на части, но тело продолжал сотрясать противный озноб.

Джей скинула халат и стянула трусики. Перед тем, как залезть под струи воды, замерла перед зеркалом и некоторое время разглядывала свое отражение.

У нее была классическая фигура: узкие плечи и широкие бедра. Кожа смуглая, но не темная, еще эластичная. Шея свежая, без морщин. Многие женщины могли бы ей позавидовать – например, София, шею которой украшают два ужасных «кольца». Джей внутренне содрогнулась... Грудь у нее высокая, по-девичьи упругая; соски – чуть припухшие. Это от того, что она еще не рожала. Живот такой же упругий, не обезображенный послеродовыми морщинами. Джей повернулась боком – ягодицы аккуратно подтянуты.

Она вздохнула. Такому телу лежать бы где-нибудь на калифорнийском пляже или блистать на подмостках Бродвея, а не торчать в этом богом забытом Террено...

*...Десять лет назад девятнадцатилетняя Джей Адамс (в ту пору Эдвери) уехала из родного городка в Лос-Анджелес. Безумная мечта юной девочки – покорить Голливуд. Она не могла предложить ему ничего, кроме своего молодого и сильного тела. Многоопытный монстр принял его, как и тысячи других тел. Бездушиная махина киноиндустрии проглотила Джей Эдвери и отрыгнула обратно, наградив гонореей и тягой к спиртному. От гонорееи она избавилась через год, тяга к спиртному осталась у нее навсегда.*

*Спустя три года Джей Эдвери вернулась домой – с рухнувшими мечтами, порядком про-спиртованными мозгами циничной особы и формами, способными свести с ума любого самца в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет. Родной городок Джей Эдвери, Плэйсбери, расположенный на юге Аризоны, представлял собой обычное шахтерское поселение на семь тысяч человек. Никаких перспектив, никакой легкой жизни. Лучшей партией в Плэйсбери в ту пору был молодой Тревор Адамс – менеджер местной рудодобывающей компании. Джей Эдвери положила на него глаз и через три месяца женила на себе. Через год в Терренском филиале Аризонской горнорудной компании появилось вакантное место менеджера. Руководство компании предложило его Тревору. Адамсы переехали в Италию.*

*Поначалу это был разительнейший контраст: выжженные солнцем пустыни Аризоны с красноватым песком, похожие на пустыни Марса, и цветущие благоухающими цветами холмы и долины Италии. Джей была в полном восторге – на время она даже забыла о пристрастии к алкоголю. На выходные они ездили в Рим и Париж, Венецию и Милан... Но через год острота новизны притупилась, и Джей снова потянулась к бутылке. Тревор, конечно же, видел, что происходит с женой, но относил это на счет ее одиночества. Ей просто не хватает друзей, думал он... Но со временем тяга жены к алкоголю стала волновать его в большей степени, особенно после того, как пару раз она напивалась на вечеринках друзей и устраивала мужу скандалы. Тревор считал, что у них нормальная семейная жизнь, и ему это было непонятно. Ему, но не ей.*

*Конечно, как муж, Трев был в полном порядке. Имея хорошую работу, он обеспечивал Джей, удовлетворяя все ее капризы, но вот в постели...*

...Рот Джей скривила ухмылка – в постели до мужа Софии Тревору далеко!

Руки Джей пробежались по бедрам. Меж ног разлилось волнующее тепло – Алекс Пинсон был бесподобен в постели, а ее бритая «киска» всегда отзывалась на малейшее воспоминание о нем приятной пульсацией.

О, черт!..

Джей судорожно вздохнула и полезла под душ. Нужно остыть и избавиться от этого паршивого озноба, решила она. И от мыслей об Алексе.

Первые струи воды попали на кожу, охлаждая ее...

Через пятнадцать минут Джей вышла из ванной. Проглотив еще одну таблетку аспирина, выпила кофе и отправилась в спальню наводить маникюр...

В десять часов позвонил Тревор, сообщил, что заедет за ней. Сказав: «Жду», Джей положила трубку и вернулась к ногтям.

Через двадцать минут она подкрасила губы, наложила тени на веки и позвонила Тифани, предупредив ее, что подъедет к одиннадцати...

В половине одиннадцатого «опель» Тревора Адамса подкатил к дому. Джей вышла на улицу и, закрыв дверь на ключ, направилась к автомобилю мужа. Через минуту машина двинулась в сторону Пьяцца дель Фуоко.

Устроившись на сиденье, Джей открыла окно и, достав сигарету, не спеша закурила.

Из приемника неслась песня – что-то на итальянском. Джей понимала язык, но не любила его. Особенно ей не нравились эти песни с резкими, словно высеченными из мрамора, словами.

– Переключи, – попросила она.

– Не нравится?

– Ты же знаешь...

Тревор хмыкнул, глядя на исказившееся лицо Джей. Он знал, что жена не выносит итальянских песен. Ему самому они нравились. Он пощелкал каналами, и вскоре в салон машины ворвались «Джигси».

– Послушай, – Тревор говорил, не отрывая свой взгляд от дороги, – я разговаривал сегодня с Алексом. Знаешь, что он мне сказал?.. Они с Софией собрались провести этот уикенд в Париже! Представляешь, какое совпадение?

Джей кивнула. Она поняла: маленькая комбинация, задуманная, без сомнения, Алексом. Он намекнул Тревору, что неплохо бы съездить в Париж вчетвером – наверное, вчера вечером. Сегодня Трев сказал ей, что хорошо бы навестить его тетю в Париже, а вот сейчас говорит, что и Пинсоны собираются туда же – совершенно случайно... Всё ясно. Непонятно одно: *как* Алекс собирается остаться с ней наедине в Париже, если с ним будет его жена, а с ней – ее муж? Но, наверняка, какой-то план у него уже есть...

Докурив, Джей засунула в пепельницу окурок:

– Он тебе так и сказал, что собирается на выходные в Париж?

– Да.

– А что им нужно в Париже?

– Не знаю. Собираются в театр или по магазинам.

– Летят тем же рейсом, что мы?

– Десятичасовым, – кивнул Тревор, на губах его блуждала улыбка.

«Наверное, представляет, как завтра вечером пойдем в какой-нибудь ресторан,» – подумала Джей. Интересно, догадывается ли Трев, что его лучший друг спит с его собственной женой? Скорее всего – нет. Иначе бы реагировал на слова Алекса по-другому...

Они выехали из Рионе Нуово и покатали по главной улице Террено в сторону Вилладжо-Верде, где жила Тифани. Чем ближе они подъезжали к центру города, тем шире становилась улица, а поток автомобилей – плотней.

– После пяти я освобожусь, – сказал Тревор, поворачивая на тихую Виа Роза. – Заехать за тобой?

– Нет, не надо... Я не знаю, когда мы закончим.

– Во сколько тебя ждать дома?

– Трев, я же говорю, что не знаю! Часов в семь или восемь – как всё сделаем. Доберусь сама.

– Ладно...

Тревор хотел сказать что-то еще, но в этот момент на дорогу выскочил человек. Он появился на противоположной стороне улицы и бросился наперерез их машине.

Джей закричала.

Ехавший по противоположной стороне улицы коричневый «форд» принялся тормозить, отчаянно скрипя покрышками. «Форд» развернуло, и он встал поперек дороги, заехав передними колесами на тротуар. Тревор нажал на педаль тормоза, но расстояние между машиной и бегущим человеком не превышало трех метров – в следующую секунду «опель» ударил человека по ногам – тот взлетел вверх, как тряпичная кукла, пару раз перевернулся в воздухе и упал на асфальт...

– О, Боже! – прошептал Тревор, когда машина остановилась. – Я убил его!

Он посмотрел на Джей, притихшую на соседнем сидении, и нервно сглотнул.

«Любовь – это тернии, но мы пройдем через них,» – пели «Джигси».

Тревор и Джей Адамсы не слышали музыки, несущейся из колонок автомобиля. Похожие на гипсовые изваяния, они молча смотрели на фигуру человека, лежащего на дороге...

\* \* \*

Доминик Пальоли не принадлежал к тому типу людей, которых легко выводит из себя малейший пустяк. Даже серьезная неприятность не могла выбить его из колеи. Доминик по природе был флегматичен. У него было тучное тело и слегка одутловатое лицо. Двигался он медленно, говорил – растягивая слова. Первое впечатление, возникавшее у незнакомого человека при общении с ним: этот толстяк не обладает проницательным умом и кошачьей реакцией. Оба суждения были неверны. Доминик Пальоли обладал редчайшим умом. Он держал в голове сотни имен с телефонными номерами. Мог, всего лишь раз посмотрев на фотографию, опознать по ней человека через несколько лет. То же самое относилось к его реакции. Он был медлителен лишь в обычной жизни. Но когда дело шло на секунды, он превращался в «макларен».

Именно острый ум и обманчивая медлительность позволили ему приблизиться к Франческо Борзо и стать его правой рукой. Такие люди, как Доминик Пальоли, ценились всегда. Борзо «отдал» ему Вилладжо-Верде и не прогадал – Доминик держал торговый район Террено «железной» рукой. Владельцы ресторанчиков и магазинов выплачивали ему еженедельную «дань» своевременно, задержек практически не возникало. Не было в Вилладжо-Верде и уличных хулиганов – за порядком на улицах следили двадцать человек из «отряда» Пальоли. Доминик поддерживал среди своих людей строжайшую дисциплину. Каждые два дня они отчитывались ему о происходящем на их территории; а в пятницу утром, когда собиралась «дань», каждый из них приезжал к Пальоли на тщательный инструктаж. Сам Доминик любил иногда выезжать на улицы своего района и разговаривать с владельцами магазинов. В таких случаях он брал с собой Пепе Сборцу. Этот парень ему нравился – он был перспективным...

Пятница началась для Доминика Пальоли в восемь утра. Проснувшись, он принял душ и позавтракал. Без десяти девять сделал пару звонков.

В начале десятого к нему начали заезжать его люди. Он лично инструктировал каждого (в баре Просперо Старди в среду два подростка торговали опиумом – надо узнать: кто такие, где берут товар, с кем работают; на Виа Кассоне появились продавцы краденых автомобильных запчастей – с ними надо разобраться сегодня же...) и отпускал. Вечером они снова приедут к нему и отдадут деньги. Всё было привычно.

В половине десятого он сделал еще несколько звонков.

Без десяти десять позвонил Рокко Траколло – личный помощник Франческо Борзо. Рокко сообщил, что Доминик должен быть в ресторане Валенти в двенадцать. Незапланированная встреча с капо. Доминик слегка удивился (не в обычаях «синьора Франческо» назначать подобные встречи, причина для этого должна быть веская), но в разговоре с Траколло постарался не выдать возникшего удивления.

После разговора с Рокко Доминик оделся и принялся ждать. С минуты на минуту подъедет Сборца, и они отправятся по Вилладжо-Верде: заглянут в пару магазинчиков, в забегаловку Энцо Станционе («У Энцо нужно будет взять пакет винограда, – думал Доминик, – у него всегда самый хороший виноград в городе»)...

В десять часов Пепе не появился. Не было его и в пять минут одиннадцатого, и в десять.

Когда стрелки часов показывали пятнадцать минут одиннадцатого, Доминик Пальоли взялся за телефон. Первым делом он позвонил на квартиру Сборцы. Младший брат Пепе, Никола, ответил, что дома тот не ночевал, но заезжал в начале десятого, переоделся и снова уехал. «На своей машине?» – спросил Доминик. «Да, на «баркетте»,» – ответил Никола.

Доминик набрал номер радиотелефона Сборцы. Гудки показывали, что телефон занят не был, но трубку не брали. Пепе мог разговаривать с кем-то на улице, подумал Доминик и решил подождать. Через две минуты он набрал тот же номер, но безрезультатно. Сборца не отвечал.

Это не было похоже на Пепе, нахмурился Доминик. Сборца всегда отличался точностью, этим он ему и нравился. Мелькнувшая у него была мысль, что Пепе проспал, развлекаясь всю ночь с девчонкой, исчезла, так как брат Пепе сказал, что тот заезжал домой час назад и уехал. Направиться он мог только в одно место – к нему. Но где же он в данный момент?

Доминик вспомнил адрес Пепе и мгновенно нарисовал в уме маршрут, по которому Сборца мог поехать к нему. Сделав пару безрезультатных звонков, набрал номер «Луого ди Риджи», в котором, он знал, Пепе любил иногда выпить кофе за завтраком. Ответил официант. «Дай мне Тони!» – рявкнул Пальоли. Вскоре в трубке раздался голос хозяина кафетерия...

Через минуту Доминик уже знал, что в двадцать минут десятого Пепе заезжал в «Луого ди Риджи», пробыл там три минуты и уехал. От кафетерия до дома Пальоли было всего лишь шесть кварталов, которые «баркетта» могла проехать за пять минут. Но в двадцать пять минут одиннадцатого Пепе Сборца так и не появился.

В половине одиннадцатого Доминик вышел из дома, уселся в свою собственную машину – коричневый «форд-проуб» – и направился в сторону Виа Мугетто. Пока он не волновался...

Конечно, подобное произошло впервые, думал он, разглядывая серые стены домов, стоящих по обеим сторонам улочки, по которой он ехал. До сегодняшнего утра Пепе Сборца никогда не опаздывал, был аккуратен и точен. Но на улицах Вилладжо-Верде может случиться всякое: по дороге к нему Пепе мог завернуть в один из магазинчиков и встрять в неприятности с полицией – такое с его парнями иногда случалось; он мог попасть в аварию – Доминик знал, что Пепе гоняет на своей «баркетте», как сумасшедший; или же его задержали личные дела. Хотя в любом случае, Пепе бы ему позвонил.

Доминик машинально нахмурился, думая, что Сборца обязательно позвонил бы ему, если б мог. В его мозгу прозвучал первый неясный «звоночек». Но паниковать было рано. Для начала нужно объехать три улицы Пепе Сборцы. Это не займет у него больше двадцати минут. Если он увидит «баркетту» Пепе, то найдет и его самого.

Доминик свернул на узкую улочку, носящую романтическое название Виа Роза, и покати к Пьяцца дель Фуоко. Ехал он медленно, думая о том, куда все-таки мог запропасться Пепе Сборца...

Проехав половину Виа Роза, он еще раз набрал номер радиотелефона Пепе, но тот молчал. Доминик опустил трубку собственного телефона, и в этот момент на дорогу выскочил парень.

Он появился из подворотни дома, стоящего на правой стороне улицы, и бросился наперез его «форду».

Пальоли успел нажать педаль тормоза и вывернуть руль. «Форд» развернуло поперек узкой улицы, бросив передними колесами на тротуар. Доминик подпрыгнул, когда колеса машины перескочили придорожный бордюр, а в следующую секунду заметил, как мчавшийся по встречной полосе «опель» налетел на человека, секунду назад увернувшегося от его собственной машины. Парень перевернулся в воздухе и упал на асфальт. «Опель» издал кучу пугающих звуков и остановился, едва не наехав на тело.

«Мертвец!» – отрешенно подумал Доминик.

Отстегнув ремень безопасности, он обернулся посмотреть на сбитого человека. После подобных ударов не выживают... Но какого дьявола он выскочил на дорогу под колеса машин? Может, самоубийца?

Немного подумав, он взялся за трубку радиотелефона и принялся набирать номер дорожной полиции...

\* \* \*

В половине десятого большой ярко-синий автобус с белыми полосами на боках, следовавший рейсом из Милана, остановился на юго-восточной окраине Террено. Из автобуса вышел человек, одетый в пятнистый армейский комбинезон. На плече у него болталась сумка, похожая на небольшой чемодан. Он поднял правую руку и улыбнулся водителю – словно благодарил за поездку. Водитель махнул рукой в ответном приветствии, огромная дверь пятидесятиместного автобуса плавно закрылась – гигантская машина, урча мощным двигателем, направилась к центру Террено.

Когда автобус отъехал метров на двадцать от стоящего на обочине человека, улыбка исчезла с его лица. Глаза потухли, уголки губ опустились вниз, и на коже явственно проступили морщины. Еще секунду назад никто не дал бы этому человеку больше пятидесяти, теперь же он выглядел на все шестьдесят. Словно огромная тяжесть, на мгновение отпустившая тело, опять опустилась на плечи. Человек мрачно вздохнул.

Некоторое время он стоял на месте, оглядывая улицу. Потом заметил расположенную невдалеке лавку торговца газетами и двинулся к ней. Сумка на его плече словно застыла, слившись в единое целое с грязно-зеленым комбинезоном; легкие кроссовки мягко ступали по тротуару...

Вскоре он остановился перед прилавком, заваленным газетами и журналами, и принялся рассматривать броские заголовки газет.

Хозяин лавки взглянул на человека в армейском комбинезоне:

– Что желает синьор?

Человек промолчал. У него было странное лицо, не похожее ни на одно из виденных хозяином лавки за всю его жизнь, – не европейское, но и не азиатское. Что-то среднее. Раскосые глаза на округлом лице, чуть приплюснутый нос, толстоватые губы. Волосы, выжженные солнцем, похожие на сухую солому...

– Есть у вас карта города? – спросил, наконец, человек и перевел взгляд на хозяина лавки.

Глаза у него были глубокие, как лесной омут, и в них отражалась усталость.

– Да, синьор. Самая полная карта с названиями всех улиц, церквей и ресторанов, – продавец нырнул под прилавок и вытащил на свет огромную карту-схему Террено. – Всего десять тысяч лир. Специально для вас!

Человек взял протянутую ему карту, просмотрел ее и, достав деньги, заплатил требуемую сумму. Вскоре, с картой в руке, он уходил в сторону автобусной остановки...

Через минуту он опустился на лавку, вся поверхность которой была испещрена всевозможными надписями – сделанными губной помадой и аэрозольными красками, выжженными спичками и выцарапанными перочинным ножом... Здесь было всё: от откровенных пошлостей типа «Анна дает всегда» и телефонных номеров уличных шлюх до вполне приличных любительских четверостиший.

Человек не обратил на надписи ни малейшего внимания. Он давно уже перестал замечать все проявления слабости человеческой природы: от циничных надписей на стенах общественных туалетов и подъездов домов до опустившихся алкоголиков и наркоманов на улицах всех городов. Человек изначально слаб – он знал это. Мир предпочитает порок добродетели. Девять человек из десяти предпочтут бокал вина стакану воды. Девять мужей из десяти не удержатся от соблазна и изменят женам, если им представится шанс. От зарождения мира люди воруют и грабят, насилюют и убивают. Так стоит ли обращать внимание на такую мелочь, как надписи на стене?... *«В мире существует гораздо большее зло, чем все человеческие пороки вместе взятые, – учил его в свое время отец. – И для того, чтобы бороться с ним, тебе понадобятся все твои силы... Не отвлекайся на мелкое. Не растрачивай силу по пустякам!»*

Человек вздохнул и принялся изучать карту города...

Спустя десять минут он поднялся со скамейки и направился к центру Террено. Можно было воспользоваться автобусом, но он решил пройти этот путь пешком. Ему необходимо было присмотреться к городу, увидеть его улицы и людей, населяющих Террено, попытаться понять, есть ли в этом городе Зло, и не ошиблись ли те, кто позвали его...

Легкие кроссовки мягко ступали по мостовой, черные глаза скользили по витринам магазинов, вывескам банков, рекламным плакатам... Город жил своей жизнью. Человек смотрел на снующие по улицам автомобили, в лица идущих по тротуару людей. Казалось, в них не было ничего необычного. Но чем дальше он шел, тем большая тоска нарастала в нем, подавляя все остальные его чувства...

Через двадцать минут он добрался до маленькой гостиницы под названием «Стелла д'ардженто», расположенной в двух кварталах от Пьяцца дель Пополо. Сняв комнату и получив ключи, поднялся на второй этаж, открыл двери номера и прошел к окну, из которого открывался вид на высокую гору. Несколько минут смотрел на Кальва-Монтанья, отрешившись от мира...

Внезапно он остро почувствовал, как отчаяние затопливает всё его существо, и испытал огромную боль. Он понял, что не выберется из этого города живым, – ему суждено умереть на этой высокой горе!

На мгновение захотелось всё бросить и убежать.

Человек отошел от окна и опустился на кровать. Пальцы рук неприятно дрожали. Он вытащил из кармана самодельную сигарету и закурил... Но кто остановит Зло, если не он?

Сладковатый дым анаши попал в легкие, всосался в кровь и успокоил возбужденный мозг человека... Это фатум. Кисмет<sup>4</sup>. Если суждено умереть ему в этом городе, он умрет, и ничто не в силах изменить предначертанного судьбой. Таков закон. Сколько раз он предсказывал смерти другим и убеждался в непреодолимости фатума?..

Докурив сигарету, он полностью успокоился и осмотрел комнату. Узкая деревянная кровать, стоящая у стены, тумбочка у окна, стенной шкаф и голая лампочка, висящая под потолком. Комната для спартанца. Впрочем, и цена – соответствующая.

Поставив сумку в шкаф, он вышел из номера и запер за собой деревянную дверь. Вскоре он уже оказался на улице.

Теперь весь его багаж составляли карта, купленная им час назад, пачка сигарет в правом кармане куртки, половина из которых была с анашой, зажигалка и маленькая записная книжка с единственным адресом в заднем кармане брюк.

Человек в армейском комбинезоне дошел до автобусной остановки, сел в первый же подошедший автобус и проехал шесть кварталов в сторону Кальва-Монтанья. Выйдя из автобуса, увидел пустырь и двинулся по тропинке, ведущей к темной ограде кладбища.

Через минуту он остановился у ворот Чимитеро ди Джовани. Заплатив сумму, взимаемую на содержание могил, смотрителю, сидящему в маленькой будке у входа, прошел за ограду и на мгновение замер, испытав хорошо знакомое чувство тревоги, не раз посещавшее его во многих уголках Европы и Азии, – здесь оно было необычайно острым и сильным. Он окинул опытным взглядом раскинувшиеся перед ним ряды могил и вздохнул.

Ну, что же... – он убедился в том, что Зло в этом городе есть. Теперь ему нужно узнать, насколько глубоко оно пустило в нем свои корни...

\* \* \*

– ...Я убил его, – повторил Тревор Адамс, глядя широко расширившимися глазами на лежащую посреди дороги человеческую фигуру.

---

<sup>4</sup> Кисмет (араб.) – в исламе: судьба, участь, предопределенность.



Человек не шевелился.

– Что теперь будет, Джей? – в голосе Тревора звучал ничем не прикрытый испуг.

Он посмотрел на жену. Джей взглянула на мужа, и вдруг ей показалось, что он стал похож на испуганного мальчишку, разбившего любимую папину вазу и прибежавшего к маме искать защиты. Но наказание неизбежно, и оба они это знают...

– *Джей?! –* одним этим словом Тревор сумел выразить все владевшие им эмоции. – Сейчас сюда приедет полиция, меня проверят на алкоголь и упекут за решетку! Ведь вчера я выпил не меньше ста граммов джина!

– Успокойся, Трев! – произнесла Джей на удивление холодным голосом. Она уже поняла, что нужно взять себя в руки: иначе, если они запаникуют и начнут делать глупости... – Ты ничего не мог сделать. Он выскочил на дорогу прямо под колеса машины! У тебя не было времени тормозить. Любой полицейский это определит.

– А может... – Тревор взглянул в концы улицы, – может, просто уедем отсюда?

Джей смерила его испепеляющим взглядом:

– Вот тогда, Трев, тебя точно посадят!.. Посмотри-ка, – она ткнула пальцем в коричневую машину, замершую в пяти метрах от них, – ты думаешь, водитель «форда» не видел, как мы сбили этого типа? А кроме него, найдутся другие!

Она кивнула на распахнутые окна домов, стоящих по обеим сторонам узкой улочки.

Тревора сглотнул.

– Они определяют, что вчера я пил, – повторил он. – Это конец, Джей! Никого не будет интересоваться, было ли у меня время тормозить. Они скажут, что я был пьян, и упекут за решетку...

– Не мели чушь, – отрезала Джей. – Водитель «форда» подтвердит, что этот псих выскочил на дорогу внезапно. Он ведь и сам чуть не сбил его!

Тревора начало колотить.

– Откуда он вообще взялся? Нарк, псих обкуренный!.. – Он вдруг принялся кричать, вцепившись побелевшими пальцами в обод руля. – Почему он должен был выскочить именно перед нами? Почему перед *нами?!..*

– Успокойся, Трев. Словами ты ничего не исправишь, – Джей шелкнула ручкой двери. – Надо пойти и узнать, что с этим типом.

– Что с ним? Господи, да он мертв! После таких ударов не выживают!

– Пойдем и посмотрим, – повторила она, выбираясь из машины.

Водитель коричневого «форда» уже стоял на дороге – высокий толстяк в красной рубашке и коричневых штанах. Опершись о капот собственного автомобиля, он достал сигарету и закурил.

– Послушайте, – крикнула через дорогу Джей, – вы видели, что произошло?

– Да, – кивнул тот, – я уже вызвал полицию.

– Но вы видели, как этот человек выскочил на дорогу? Прямо под самые колеса?

– Конечно... На вашем месте я бы вообще успокоился и просто ждал. Это ваш муж? – водитель «форда» кивнул на вылезшего из «опеля» Тревора.

– Да.

– Ваш муж не виноват, синьора. Он ничего не мог сделать. Этот тип, наверное, просто обкурился, – толстяк говорил на удивление спокойным голосом, попыхивая сигаретой. – Сейчас приедет полиция, за пару минут оформит бумаги, и мы все разъедемся... Ваш муж не виноват!

Джей почувствовала облегчение. Водитель «форда» говорил с уверенностью человека, не раз попадавшего в подобные переделки. Похоже, он знает, что говорит.

– Тревор, ты слышал?

– Да, – кивнул тот, его всё еще бил озноб.

– Знаете, – говорил толстяк, – за последние два года это третий, кого сбивают на моих глазах. Но этот тип, наверно, был просто под мухой. Полиция быстро выяснит, что к чему, и...

Внезапно толстяк, поднявший руку с сигаретой ко рту и собиравшийся говорить, видимо, до приезда полиции, замолчал. На лице его отразилось удивление.

Джей проследила за взглядом толстяка и испуганно вздрогнула – человек, лежавший на дороге, пошевелился.

– О, Боже, он *жив*! – выкрикнула она, обращаясь к мужу.

Тревор моргнул и сделал шаг к лежащему на асфальте. На теле сбитого человека не было видно следов крови, и похоже, парень сильно не пострадал.

– Псих ненормальный, – прошептал Тревор, но теперь в его голосе слышалось облегчение.

Джей тоже шагнула вперед.

Но затем произошло непонятное: лежавший на дороге человек вдруг резко поднялся на колени и метнул на Тревора яростный взгляд.

– Зря ты это сделал, Тревор Адамс! – отчетливо прошептал он, голос его был похож на шипение гремучей змеи.

Тревор и Джей остановились, как вкопанные. Толстяк опустил сигарету к земле и нахмурился – он тоже услышал фразу, произнесенную сбитым, и тон, каким она была сказана, ему не понравился.

Человек попытался встать, но одна его нога подломилась, и он снова рухнул на асфальт.

«*После такого удара он вообще не должен подняться!*» – мелькнуло вдруг в голове Тревора. Он почувствовал, как отпустивший его было страх возвращается; но теперь этот страх был иного рода – он начинал бояться вот этого человека, почти что подростка – ему, наверняка, чуть за двадцать, – одетого в синюю футболку и джинсы.

– Теперь тебе придется умереть, Тревор Адамс, – продолжал парень, поднимаясь, наконец, в полный рост. – Тебе и твоей женушке...

В этот момент со стороны Корсо Централ раздался вой полицейской сирены.

Тревор шагнул назад. У него вдруг возникло огромное желание, чтобы полицейская машина приехала сюда как можно быстрее. От этого типа исходили физически ощутимые флюиды опасности.

– ...Ты думаешь, тебе поможет полиция? – усмехнулся парень и шагнул к Тревору, подволакивая ногу; ухмылка его была похожа на оскал черепа.

Джей завизжала.

В этот момент патрульный автомобиль появился в дальнем конце улицы и направился к ним.

– Упс, – сказал парень тихо и рассмеялся – он тоже заметил полицейскую машину. – Похоже, повезло вам, ребята!..

Он повернулся в сторону подворотни и неожиданно подмигнул Тревору:

– Но я приду вечером. Я запомнил номер твоей машины, Тревор Адамс, и я найду тебя – ты умрешь первым. А потом я займусь твоей женушкой!..

Парень, пошатнувшись, шагнул к тротуару:

– ...Но прежде, чем убить твою жену, Тревор Адамс, я возьму ее. Я трахну ее языком!.. Ты ведь любишь, когда тебя трахают языком, Джей? Твоя «киска» тогда закипает, и ты взлетаешь на небеса!.. *О, Джейром!* – простонал он мгновенно изменившимся голосом.

Джей почувствовала, как сердце ее ушло в пятки. О, боже! Ведь это же слова Алекса Пинсона! Только *он* называет ее «Джейром»!

– Сегодня вечером! – повторил парень, вытянув указательный палец в сторону Тревора, и нырнул в подворотню, даже не взглянув на водителя «форда», замершего у своей машины.

– Боже Всевышний! – прошептал Тревор.

Джей ухватилась за капот «опеля», чувствуя, как земля уплывает у нее из-под ног...

Спустя четверть минуты к ним подъехала полицейская машина. Она остановилась в пяти метрах от «опеля», и из нее вылез высокий патрульный. Он окинул Адамсов подозрительным взглядом и двинулся к Тревору.

– Мы получили сообщение, что здесь сбили человека, синьор, – сказал он, глядя на белое, как снег, лицо Тревора. – Что здесь случилось?

Он обошел «опель» спереди и присвистнул – радиатор машины был погнут.

– Ого! – Он снова взглянул на Тревора, но теперь подозрение в его взгляде сменила уверенность. – Ваши права, синьор. Документы на машину!

Он сделал знак, и из полицейского автомобиля вылез его напарник.

– Вы сбили человека, синьор, – полицейским говорил таким тоном, словно ни в малейшей степени не сомневался в правоте своих слов и для себя уже решил, что арестует этого человека. – Где тело?

Тревор открыл было рот, но не смог выдать из себя ни слова – его гортань парализовало страхом.

Джей почувствовала, как внутри нее вырастает холодный комок.

Полицейский хотел спросить что-то еще, но в этот момент заговорил водитель коричневого «форда», молчаливо стоявший до этого:

– Анджело, это я вызвал полицию!

Полицейский обернулся на голос и, казалось, только теперь обратил внимание на стоящего невдалеке толстяка. Лицо его неожиданно преобразилось: он словно сбросил с себя маску сурового служителя закона, превращаясь в добродушного парня. Губы рта растянулись в улыбке:

– О!.. Доброе утро, синьор Пальоли!

Толстяк покивал.

– Я видел, как было дело, Анджело. Этот псих вынырнул из подворотни, прямо как сумасшедший. Я сам чуть не сшиб его, но успел затормозить. А вот «опелю» тормозить было негде...

Полицейский слушал, терпеливо кивая.

– А где человек, которого сбили, синьор Пальоли?

– Он убежал, – толстяк покачал головой. – Наверно, был под просто кайфом. Даже не почувствовал боли. Просто вскочил и убежал!

Теперь на лице полицейского появилась растерянность.

– Убежал?.. Но удар, как я вижу, был сильный, – он указал на треснувший бампер «опеля».

– Да. Но он убежал, – повторил толстяк.

– Черт!.. – полицейский посмотрел на напарника и с сомнением добавил: – Но мы должны это как-то оформить. Составить протокол и...

– Не думаю, – спокойно возразил Пальоли. – Я спешу, и эти люди, наверное, тоже... Анджело, ты же видишь, что пострадавших нет. Значит, можно разъехаться!

Джей, до этого слушавшая толстяка с неприкрытой надеждой, решила, что не так-то всё просто, и им, видимо, придется давать объяснения в полиции. Но полицейский, разговаривавший с водителем «форда», несколько секунд колебался, раздумывая над ответом, затем еще раз оглядел радиатор «опеля», дорогу и тротуар, и не найдя на них следов крови, сказал:

– Ну, что же, синьор Пальоли, хорошо... Давайте сделаем вид, что ничего не случилось!

Он повернулся к Адамсам:

– Вы можете ехать, синьоры!

Затем он подошел к водителю «форда» и о чем-то с ним быстро переговорил. Напоследок, полицейский улыбнулся толстяку и направился к своей машине.

Через пару секунд патрульный автомобиль, развернувшись на узкой улочке, покати́л в сторону Пьяцца дель Фуоко.

– Вот видите, – проговорил толстяк, обращаясь к Тревору, – всё и решилось. Езжайте по своим делам и не попадайте больше в подобные переделки.

Он забрался в свою машину и, развернувшись, поехал за полицейским автомобилем.

Оставшись одни, Тревор и Джей несколько секунд стояли потрясенные, растерянно глядя друг на друга. Того, что случилось за последние три минуты, ни один из них объяснить не мог...

Наконец, Джей не выдержала и прохрипела:

– Поехали отсюда, Трев!

Она торопливо залезла в машину. Тревор уселся за руль и завел двигатель...

Через короткое время «опель» мчался по улице так, словно за ним гнались черти... Глядя через стекло, Тревор Адамс всё еще видел глаза того типа, полыхавшие ненавистью, и слышал его слова: *«Теперь тебе придется умереть, Тревор Адамс! Тебе и твоей женецуйке!...»* Джей Адамс думала о другом. *«Твоя «киска» тогда закипает, и ты взлетаешь на небеса!... О, Джей-рам!»* До сегодняшнего утра это имя было известно лишь ей и Алексу Пинсону. Теперь его знает еще один. Только *кто* этот парень?..

\* \* \*

Одно из двух католических кладбищ Террено, Чимитеро ди Джовани, расположенное на юго-западе города, у подножия горы Кальва-Монтанья, обнесенное изгородью, было пусто и тихо.

Между рядами могил медленно шел человек, одетый в армейский комбинезон. Изредка он останавливался возле одного из надгробий, садился на корточки, прикладывал руки к земле и на мгновение замирал. Словно прислушивался к таинственному голосу, идущему из могил. Потом он поднимался и шел дальше...

Через двадцать минут он остановился на противоположной от ворот стороне кладбища и задумался.

Это место было пропитано Злом. Нигде на планете не встречал он такой сильной концентрации первородного Зла, как здесь. Волны, исходящие от него, давили на мозг человека, и он отзывался на них, как стрелка хорошего компаса.

Человек в комбинезоне опустился на посеревшую от времени надгробную плиту, вытащил из кармана пачку сигарет и некоторое время разглядывал их. Действие анаши, которую он выкурил час назад, прекратилось, но руки у него не дрожали. Он был спокоен, хотя и знал, что умрет...

Когда-то давно, когда он только постигал азы хиромантии, он узнал дату собственной смерти. Это было первое, что он выяснил, научившись читать линии рук. Позднее он сотни раз проверял эту дату и знал, что она верна. Он предсказывал смерти тысяч людей и не ошибался ни разу. Теперь пришел его срок.

Он не боялся. То, что произошло с ним в гостинице, было минутной слабостью. Но это доказывало только то, что он человек. *Всё еще* человек – после стольких лет борьбы с первородным Злом.

Он вытащил из пачки обычную сигарету и закурил.

Его отец погиб в маленьком городке на юге Ирана. Дед не вернулся из песков Аравийской пустыни. Два младших брата чудом избежали смерти в Заире шесть лет назад. Старший брат нашел свой конец в маленькой сербской деревне.

Испокон веков его род сражался со Злом. Как сторожевые псы, носились они по всем континентам, вынюхивая и выглядывая, уничтожая Зло в самом зачатке. Предания о самых

великих схватках передавались из уст в уста, от отца к сыну. Тысячелетиями продолжалась битва, но нигде и никогда Зло не было так сильно, как сейчас в этом месте.

Человек бросил окурок в траву.

Теперь ему предстоит сразиться с самым сильным врагом, с каким только сталкивался его род за тысячелетия своего существования. И в этой схватке ему суждено умереть!..

Он не страшился смерти, но боялся другого – успеет ли он уничтожить Зло до того, как погибнет сам? И еще – ему не обойтись в этом деле без сильных помощников. Если бы здесь были его братья, исход схватки был бы уже предreshен. Но, к несчастью, они далеко.

Человек склонил голову на свои узловатые, но по-прежнему сильные, руки.

Значит, помощника придется искать прямо здесь, в этом городе. Только действовать надо быстро – времени у него почти не осталось.

На секунду сидящий задумался, словно решая, с чего начать. Потом вытащил из заднего кармана брюк записную книжку в кожаном переплете и раскрыл ее на первой странице. Запись в ней была одна и совсем короткая: «Церковь Сант'Антонио ди Франчезе. Виа Куаттроченте. Отец Федерико Ланцони.»

Человек взглянул на карту Террено. Нужная ему церковь находилась на другом конце города. Определив маршрут, он поднялся с надгробья и посмотрел в бирюзовое небо. Солнце висело над вершиной горы, от которой дул легкий ветер, несущий отчетливый запах каштанов.

Человек развернулся и быстрым шагом двинулся к выходу с кладбища. Через пять минут он уже ехал на желтом автобусе по направлению к Виа Куаттроченте...

\* \* \*

Проехав по Виа Роза до кольцевой дороги, опоясывающей центр Террено, Доминик Пальоли свернул на нее и медленно покатыл по крайней полосе, разглядывая указатели с названиями улиц, укрепленные на правой стороне дороги: Виа Роза, Виа Песко, Виа Мелоне... Тридцать улиц отходили от центра города, словно лучи от солнца: пятнадцать из них на юге Террено составляли Вилладжо-Верде, пятнадцать восточных образовывали район речного порта.

Доминик доехал до указателя с надписью «Виа Мелоне» и повернул на первую из трех улиц, «принадлежащих» Пепе Сборце. Улица тянулась до пустоши возле Кальва-Монтанья. Для того чтобы проехать ее до конца, ему потребуется десять минут.

...Конечно, было бы проще поручить розыск Пепе одному из парней, думал Доминик. Но сейчас все его люди заняты и раньше пяти часов вечера не освободятся.

Посмотрев на часы, он отметил, что до встречи с Франческо Борзо остается чуть более часа. За это время он либо найдет Пепе Сборцу, либо убедится в том, что на принадлежащей ему территории его нет...

Разглядывая ряды машин, стоящих у тротуара, Доминик думал о странной «пропаже» Пепе. В то же время мысленно он то и дело возвращался к тому, что случилось на Виа Роза десять минут назад, и чем дольше размышлял о необычном происшествии, свидетелем которого оказался, тем больше оно его беспокоило.

Доминик не раз оказывался в дорожных передрягах и знал, что человек не может так просто подняться и уйти после того, как его сбила машина, – пусть даже ее скорость была невелика. Полутоннажный же автомобиль, налетающий на человека на скорости в пятьдесят километров в час, ломает руки и ноги, рвет печень и селезенку. От удара о дорогу трескаются ребра, отбиваются внутренности и сотрясается мозг. В девяноста процентах подобных случаев человека увозят в морг. Остальные десять отправляются в реанимацию и выходят оттуда калеками. Лишь одному из ста может повезти и он, пролежав пару месяцев в больнице, выйдет из нее относительно здоровым.

Того, что случилось на Виа Роза, произойти не могло. И все-таки это случилось, нахмурился Доминик.

Сбивший того парня «опель» двигался со скоростью не меньше сорока километров в час, и затормозить он не мог. Удар пришелся по ногам человека и был очень сильным – он видел, как искорежило радиатор машины. Этот удар должен был сломать обе бедренных кости, как спички. Подняться после такого удара было физически невозможно, но светловолосый поднялся. А ведь должны были быть повреждены еще руки и ребра – тот парень ударился об асфальт при падении.

Внезапно Доминик вспомнил аварию, свидетелем которой оказался лет пять назад: на государственном шоссе, ведущем из Турина в Милан, столкнулись «мерседес» и «пежо». Удар был лобовым. После столкновения машины разлетелись: легкий «пежо», перевернувшись, упал посреди шоссе; «мерседес» развернуло поперек дороги. Ехавшие за ними автомобили начали тормозить, но остановиться не успевали – машины складывались гармошками, врезаясь друг в друга. На шоссе стоял грохот металла, вылетающих стекол и криков людей... Четырнадцать машин со стороны «пежо» и семь – со стороны «мерседеса» – превратились в лепешку. Движение на шоссе было блокировано на шесть часов. Тогда погибли семь человек и восемнадцать получили ранения. Но Доминик вспомнил тот случай совсем не поэтому.

Дело в том, что, когда он подъехал к месту аварии, полиции поблизости еще не было. В машине он был вместе с Бьянки Гарротой. Тогда они выскочили из автомобиля и побежали в ту сторону, откуда звучали истошные крики. Водители подъехавших машин пытались вызволить пострадавших: отдирали искореженные дверцы, вытаскивали окровавленных людей наружу. Доминик и Бьянки выволокли из желтого «ситроена» женщину со сломанной ногой и уложили ее на обочину. Им повезло: ни одна из столкнувшихся машин не загорелась. Но поразило Доминика другое. Примерно через минуту после столкновения из искореженного «пежо» выбрался человек. Лицо его было залито кровью; левая рука сломана так, что наружу торчала разбитая кость; правую ногу он подвлакивал; но человек этот *пел!*.. Выбравшись из машины, он пошел по обочине шоссе в ту же сторону, куда минуту назад мчался «пежо». Люди с ужасом смотрели на окровавленного человека, который шел, напевая и улыбаясь. Когда один из водителей попытался остановить его и усадить на асфальт, тот разбил ему нос и отправился дальше.

Через пять минут подъехала медицинская машина. Два здоровенных санитаров уложили окровавленного человека на носилки и запихали в машину. Но и там он продолжал что-то петь, пока слова не начали выплескиваться у него изо рта вместе с кровью. Еще через десять минут он умер от обширного внутреннего кровоизлияния.

Доминик специально узнавал у санитаров, почему этот тип вел себя таким образом. Он думал, что причиной был шок или отключение болевого центра в мозгу, но всё оказалось банальней. Человек, вызвавший крупнейшую за последние десять лет аварию близ Турина, был в буквальном смысле слова пропитан амфитамином и не чувствовал боли. «Сукин сын умер счастливым, – сказал один из санитаров, показывая Доминику мертвое лицо наркомана с застывшей улыбкой. – Он так и не понял, что с ним случилось...»

Так, может, тот парень, которого сбilo «опелем», тоже был наркоманом? Подобное было похоже на правду... Но ведь, даже если он находился под кайфом, то не смог бы подняться из-за сломанных ног. Но ведь он как-то встал. Даже больше – он ушел!

И еще – на месте происшествия не оказалось ни капли крови: ни на радиаторе «опеля», ни на дороге, ни на самом пострадавшем. Кроме того, парень, похоже, знал людей в «опеле», так как обращался к ним по именам; они же его не знали. И потом – он угрожал их убить.

Всё это было непонятно...

Доминик вдруг заметил голубую машину, стоящую у обочины, но подъехав поближе, увидел, что это спортивный «рено», внешне напоминающий разыскиваемую «баркетту». «Форд» Доминика двинулся дальше.

...Было и еще одно обстоятельство, связанное с происшествием на Виа Роза, которое не давало ему покоя. Когда сбитый парень бросился убежать, он на мгновение повернулся в сторону «форда», и Доминик «сфотографировал» его лицо. Он сразу же понял, что где-то видел этого типа – причем давно и всего лишь раз, – но то, что действительно видел, не вызывало у Доминика сомнений. Но где и когда?..

Через две минуты коричневый «форд» добрался до окраины Террено, где Виа Мелоне переходила в пустырь. Доминик свернул влево и направился к Виа Мугетто...

\* \* \*

Без пяти одиннадцать «опель» Тревора Адамса остановился возле дома Тифани Гереро, личной портнихи его жены. Тревор развернулся на сидении и сказал:

– Джей, постарайся не задерживаться сегодня у Тифани. – Голос у него откровенно подрагивал.

Джей молча кивнула. Почему-то ей было страшно смотреть в глаза мужа.

– Приезжай часов в шесть. Сходим в ресторан, расслабимся... Снимем номер в гостинице и проведем вечер с шампанским. Идет?

Он улыбнулся. Но улыбка у него получилась какая-то жалкая, вымученная.

– Ладно, – ответила Джей.

– Не задерживайся, – повторил Тревор нервно.

Джей потянула за ручку. Уже распахнув дверь машины, она, наконец-то, решилась взглянуть в глаза мужа – лицо у Тревора было бледным.

– Трев, ты знаешь парня, которого мы сбили?

– Нет, – сглотнул он.

– Тогда почему он назвал твое имя?

Левая щека у Тревора затряслась.

– Я не знаю, – тихо прошептал он. – Джей, правда, не знаю!

– Но тогда, откуда...

– *Я не знаю!* – взорвался вдруг Тревор и закрыл лицо руками.

Несколько секунд он молчал. Джей чувствовала, как стучит ее сердце, и была уверена в том, что сердце ее мужа колотится так же. Наконец, он убрал руки и посмотрел на нее перепуганным взглядом.

– Джей, приезжай сегодня пораньше. Я сниму номер в гостинице, а завтра утром мы улетим в Париж!

«Он боится, – подумала Джей. – Так же, как я!...»

*О, Джейром!*.. Она вздрогнула.

– Ладно, Трев.

– Хорошо?

– Да.

Она улыбнулась, и Тревор ответил ей жалкой улыбкой. Джей захлопнула дверцу машины и направилась к дому Тифани. Но вдруг ее сердце болезненно сжалось, и она обернулась назад. «Опель» Тревора уже отъехал от дома и двигался по дороге. В этот момент он показался ей таким маленьким, таким беззащитным...

\* \* \*

Делая частые остановки, желтый автобус проехал половину Террено и повернул на Виа Куаттроченте. Человек в армейском комбинезоне вышел на первой же остановке и огляделся по сторонам.

Высокий шпиль католической церкви Сант'Антонио ди Франчезе вздымался в пятидесяти метрах от него. Человек повернулся и медленно пошел вдоль чугунной решетки, выкрашенной черной краской, в сторону шпиля.

Через минуту он оказался перед белым зданием церкви. Немного помедлив, двинулся по неприметной дорожке, ведущей к боковой части здания, и вскоре очутился перед железной дверью с нарисованным на ней распятием. Остановившись у двери, позвонил в бронзовый колокольчик... Несколько секунд за дверью висела могильная тишина. Потом послышался шорох шагов.

Когда железная дверь распахнулась, на пороге показалась фигура невысокого человека с иссушенным годами лицом, облаченного в черную сутану. Он взглянул на мужчину в армейском комбинезоне и мягко спросил:

– Что вам угодно, синьор?

– Мне нужен отец Федерико Ланцони, – произнес человек в камуфляже.

– Он перед вами, – тихим голосом ответил священник, разглядывая незнакомца.

Тот кивнул:

– В таком случае, меня зовут Бен Аз Гохар.

Услышав произнесенное имя, священник отчетливо вздрогнул. В глазах его проскользнуло выражение, похожее на испуг. Он быстро огляделся по сторонам, но в маленьком дворике, кроме них двоих, никого не было.

Тогда в глазах Федерико Ланцони вспыхнуло неподдельное облегчение. Он отступил на шаг в сторону, распахивая дверь перед стоящим на дорожке человеком, и почтительно произнес:

– Проходите, преподобный Аз Гохар. Мы вас ждали!..



## Глава третья

Заместитель начальника криминальной полиции города Террено комиссар Кавио Гольди стоял у заброшенного склада, расположенного в ста метрах от набережной речного порта, и слушал своего помощника. Инспектор Санти Эстебане говорил быстро:

– ...Почерк тот же. Действовали по стандартной схеме: жертвы задушены голыми руками, в пустынном месте, свидетелей нет.

– Сообщили по телефону?

– Да, позвонил тот же самый человек. Сказал, что задушены трое. Назвал место и положил трубку.

– Когда их убили?

– Два часа назад.

– А звонили?

– Примерно через полтора часа после убийства.

– Предполагаемые причины?

– Какая-то чертовщина, комиссар. – Эстебане покачал головой. – Убийства абсолютно бессмысленные, как и все предыдущие.

– Такого не бывает, – возразил Гольди. – Причина всегда есть. Ее нужно только найти.

Он прошел в глубину склада и посмотрел на лежащие на земляном полу трупы: двое мужчин и женщина. На шеях у всех троих синели гигантские кровоподтеки.

Гольди повертел головой, оглядывая помещение склада. По назначению он не использовался, наверное, уже лет десять и имел заброшенный вид.

– Что они здесь делали?

– Жили. По крайней мере, вот эти двое, – Эстебане показал на женщину и одного из мужчин. – Третий пришел к ним «в гости»...

– И нашел здесь свою смерть. – Гольди задумчиво осмотрел санитаров, ждущих в дверях разрешение уносить тела.

– Кому поручат вести дело, комиссар? – Эстебане сунул руки в карманы.

Гольди мрачно нахмурился.

– Все уже перегружены... Похоже, тебе придется брать это на себя, Санти.

– Но у меня уже четыре трупа! – Эстебане протестующе поднял ладони.

– У Тони и Марио – по пять.

– Но, комиссар, это дохлое дело! Вы знаете!

– Спрячь трупы, и я сделаю вид, что ничего не произошло. – Гольди угрюмо смотрел на инспектора. – Начинать работать, Санти!

Эстебане зло сплюнул на землю и кивнул санитарам:

– Уносите!..

Гольди взглянул на часы – стрелки показывали десять минут двенадцатого.

– Через сорок минут жду тебя с предварительным отчетом в городском морге.

– Я не успею, – проворчал Эстебане.

– Через сорок минут!

Выйдя из склада, комиссар прошел мимо санитарной машины и автомобиля криминалистов. Усевшись за руль своей «ланчи», заметил выходящих из склада санитаров с носилками, включил зажигание и, выехав на дорогу, ведущую в город, покатыл в сторону морга...

*...Последнюю неделю в Террено происходила настоящая чертовщина: за шесть дней были убиты шестнадцать человек. Четырнадцать из них – бездомные бродяги. Пока историю удавалось держать в секрете от журналистов, но такое положение дел не могло сохраняться*

долго. Скоро слухи о массовых удушениях начнут просачиваться в печать, и тогда разразится скандал. Гольди прекрасно представлял себе будущие заголовки газет: «Кто он – душител бродяг?», «Мангьяк-психопат очищает город от отходов общества!».

Четырнадцать человек были задушены в разных частях Террено: на кладбище Чимитеро Нуово, в «американском» квартале, около аэропорта... Двое были задушены в парке Джардино ди Дие Санти и вот еще трое – сегодня, на заброшенном складе у пирса. Каждый раз в полицейском управлении раздавался звонок, и неизвестный называл очередное место и число задушенных. Неделю назад первый звонок вызвал у дежурного офицера лишь вполне понятное раздражение – какой-то «шутник» сообщил, что десять минут назад задушил трех человек на Чимитеро Нуово. «Один?» – уточнил офицер, ухмыляясь и подмигивая своему помощнику. «Да,» – сухо ответили в трубке. Потом голос сообщил точное местонахождение трупов и отключился. Тогда на место происшествия выезжала одна патрульная машина.

Теперь каждый звонок, раздававшийся в дежурной службе комиссариата с девяти до двенадцати утра, вызывал у дежурного офицера понятную дрожь – шесть дней подряд неизвестный звонил в это время в полицию и сообщал об очередном месте убийства и числе жертв. На место немедленно выезжали криминалисты, медицинская машина и один из инспекторов отдела по расследованию убийств...

...Похоже, кто-то пытается очистить Террено от бродяг, думал Гольди, только слишком уж действенный метод он для этого выбрал. Если он будет продолжать в том же духе, то через пару недель в городе не останется ни одного бездомного попрошайки, а газетчики раздуют эту историю до кошмарных масштабов. На голову полиции посыплются шишки – если только они не найдут убийцу.

Кошмарная неделя!

Гольди нахмурился, вспомнив, что, кроме загадочных удушений, за те же шесть дней исчезли пять человек из вполне приличных семейств Террено. Просто исчезли и не появились. Как в воду канули... Впрочем, это забота уже не его отдела. Вот если исчезнувших найдут мертвыми, дело передадут в отдел по расследованию убийств, а пока ими занимается Пеше со своими ребятами...

«Ланча» Гольди остановилась, наконец, у серого здания городской больницы, в подвале которого располагался морг. Комиссар выбрался из машины и вошел в здание.

В морге его встретил медицинский эксперт городской прокуратуры Умберто Скала.

– Сейчас привезут троих «свежих», – сказал Гольди после того, как поздоровался с врачом.

– Знаю, нам уже позвонили. Санитар готовит морозильную камеру.

– Умберто, я хочу, чтобы вскрытие сделали сразу же. Мне нужен полный анализ: точная причина и время смерти; возможные следы, оставленные убийцей на одежде и телах у убитых; анализ «грязи» из-под ногтей; секс-тест...

– Сделаем, – ответил Скала. – Хотя последнее вряд ли даст результаты – все предыдущие были «чистыми».

Гольди кивнул.

Первоначально у них возникла версия о сексуальном мотиве убийств. Но после осмотра десяти человек, трое из которых были женщинами, выяснилось, что ни один из них не был изнасилован – ни до, ни после убийства.

– Комиссар, пока у нас есть время, я хочу вам кое-что показать.

Скала направился к морозильнику, сделав знак Гольди следовать за ним...

Когда мужчины остановились у черной панели с выдвижными ящиками, врач выкатил наружу пару покойников и откинул пластиковые покрывала с их лиц.

– Взгляните сюда!

– Это те, что были задушены вчера утром? – спросил Гольди, разглядывая лица двоих мужчин примерно одного возраста: тридцати – тридцати пяти лет.

– Да. Те, которых нашли в парке.

– Зачем вы мне их показываете?

– Вчера вечером я нашел кое-что интересное. Мы упустили это при предварительном осмотре.

– Что именно?

– Посмотрите, – врач указал на шеи покойников. – Видите следы?

Синюшные пятна под подбородками ясно указывали на причину смерти.

– Их задушили, – утвердительно сказал Гольди.

– Конечно. С этим никто и не спорит. Но знаете, *как* их задушили? – Скала слегка приподнял подбородки мертвецов. – Вам ни о чем не говорит форма пятен?

Кровоподтеки на шеях убитых выглядели одинаково отвратительно.

– Нет, мне они ничего не говорят... Скажите вы, если знаете. В конце концов, врач – вы.

– Вот этого задушили правой рукой, – сказал Скала, указывая на одного из мужчин, – а вот этого – левой.

– Одной рукой? – уточнил Гольди.

– Да, одного – правой, другого – левой... Но не это самое поразительное. Этих мужчин задушили *одновременно* – причем, сделал это один человек. Вот так, – Скала выставил перед собой ладони со скрюченными пальцами и свел их вместе. – Одного из них он схватил за горло правой рукой, другого – левой, прижал спинами друг к другу, сжал руки и задушил.

– Из чего вы сделали такой вывод? – спросил Гольди, слегка ошарашенный словами врача.

Тот накрыл покойников и задвинул носилки на прежнее место.

– Вчера вечером я решил поискать следы убийцы на трупах, хотя почему-то был уверен, что ничего не найду. Но я нашел нечто другое. На затылках обоих убитых обнаружили небольшие ссадины. Такое могло бы произойти, если бы эти люди стали спиной друг к другу, а потом кто-то с силой сжал их головы... Ссадины свежие, на одном уровне у обоих.

– И из этого вы сделали вывод, что они были убиты подобным образом?

– Нет, я еще сомневался – трудно поверить, что один человек, пусть даже и сильный, может убить двоих взрослых мужчин таким образом... Но потом я сделал анализ волос на затылках и нашел капельки крови. На голове одного из убитых оказалась кровь другого.

Гольди недоверчиво почесал переносицу.

– И как вы это представляете себе, Умберто? Чтобы убить людей подобным образом, требуется чудовищная сила.

– Но это так, – Скала пожал плечами. – Я уверен, что их убили именно так, как я описал. Шейные позвонки обоих не сломаны, а это могло произойти только в одном случае – если их поставили спиной друг к другу и сжали им горла. Убийца просто передавил им трахеи, сорвал кожу на затылках, но позвонки не сломал...

– Для этого требуется чудовищная сила, – задумчиво повторил Гольди. – Умберто, а не были ли убитые перед смертью в «отключке»?

– Нет, они находились в сознании.

Немного помолчав, словно раздумывая над услышанным, Гольди спросил:

– Вы внесли это в официальный отчет?

– Пока нет.

– Но собираетесь вносить?

– Да, я упомяну о ссадинах на затылках убитых. Но официальные выводы делать вам.

– Но вы понимаете, *каковы* будут выводы? – недовольно спросил комиссар. – Мы должны будем взять за основу версию того, что неизвестный «Геркулес» разгуливает по Террено и душил здоровенных, тридцатилетних мужчин парами – как котят. Так?

– Это может быть вовсе не «Геркулес», – возразил Скала. – Обычный человек с психическим расстройством. При некоторых видах шизофрении у человека во много раз увеличивается физическая сила.

– Но вы сами-то верите в это, Умберто? – перебил врача Гольди.

Тот отвел глаза в сторону.

– Какая разница: верю я или нет? Это самое простое объяснение. И разумное.

– Значит, шизофреник, бегающий по городу и выбирающий себе в жертву молодых бродяг? – Гольди скептически двинул бровями. – Не верится мне в это, док!

Скала развел руками:

– Я указал вам причину смерти и возможный способ убийства. Выводы – делать вам!

В этот момент в дверях покойницы показался санитар с носилками, на которых лежало тело человека, убитого два часа назад на складе у пирса.

– В смотровую его! – бросил Скала. – И приготовьте всё к вскрытию...

Санитар молча выкатил носилки в коридор.

– Вы будете ждать результатов вскрытия? – спросил доктор.

– Да.

– Хорошо. Я постараюсь разделаться с ними побыстрее, но все равно раньше, чем через час, не получится.

– Я подожду. Сюда должен подъехать Эстебане, так что мне придется ждать в любом случае.

– Можете пока перекусить, – предложил Скала, выходя вместе с комиссаром из покойницы. – Конечно, если у вас не пропал аппетит.

Они вышли в маленький коридор, примыкающий к комнате с морозильником. Скала направился в смотровую; Гольди же вышел из морга и, поднявшись по ступеням подвала, оказался на улице.

Несмотря на последние слова доктора, он решил воспользоваться его предложением и направился к маленькому кафетерию, расположенному в тридцати метрах от больницы. Отсюда он мог просматривать стоянку у входа в морг.

Заказав пиццу с сыром, Гольди уселся за маленький столик лицом к больнице. Пицца была горячей, и он разломил ее, давая сыру возможность остыть. Тем временем сам он думал о том, что сообщил ему Скала...

Маньяк-шизофреник, бегающий по Террено и душащий молодых бродяг. Похоже ли это на правду? Убить двоих мужчин одновременно может только очень сильный человек. Но если убийца действительно психически нездоровый тип, то он должен оставлять следы. Шизофреник живет не в одном, а в нескольких мирах. Реальный мир в его голове перемешан с воображаемым – он не может контролировать себя в полной мере, действовать с логикой и спокойствием здорового человека. Но все убийства совершены с дьявольской расчетливостью – следов не оставлено... Итак, с одной стороны – сила шизофреника, с другой – расчетливость преступника-гения. Что это значит?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.